

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
КАК ПРЕДМЕТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Монография

Тюмень
2015

УДК 32.019.51
ББК 60.0. 66.2(2Рос)
Ф 79

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Рецензенты:

начальник кафедры психологии служебной деятельности и педагогики
Уральского юридического института МВД России, кандидат психологических наук,
доцент *К.В. Злоказов*;
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уфимского юридического института
МВД России, кандидат философских наук, доцент *А.А. Исаев*

Авторы:

доктор философских наук, доцент *А.Л. Анисин* – введение, §§ 1.2, 2.1, заключение;
доктор философских наук, профессор *Н.В. Блажевич* – § 1.1;
кандидат исторических наук, доцент *И.Ф. Фирсов* – § 2.3;
кандидат философских наук *М.И. Лыскова* – § 1.3 (в соавторстве с *Е.А. Бобковой*);
кандидат филологических наук *Е.А. Липина* – § 2.2;
Е.А. Бобкова – § 1.3 (в соавторстве с *М.И. Лысковой*);
Ю.А. Кузнецова – § 2.4.

Ф 79 **Формирование** образа России в массовом сознании как предмет
идеологической борьбы: монография / под ред. А.Л. Анисина. Тюмень:
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
2015. 89 с.
ISBN 978-5-93160-229-5

В монографии проанализированы теоретико-методологические основания формирования исторического знания, роль в процессе этого формирования идеологического фактора, воздействие популярной литературы на процесс мифологизации истории в массовом сознании, содержание и роль методов информационной войны в арсенале современной геополитики; раскрыта специфика материалистической идеологии как фактора формирования современного массового сознания в целом и восприятия этим массовым сознанием исторической реальности, а также цивилизационное своеобразие России как фактор истории; подробно прослежен процесс исторического формирования негативного образа России в западной пропаганде.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также сотрудникам органов внутренних дел.

УДК 32.019.51
ББК 60.0. 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-93160-229-5

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА. 1. ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	8
§ 1.1. История как объективная реальность и как идеологическая конструкция	8
§ 1.2. Материалистическая идеология как фактор формирования массового сознания	12
§ 1.3. Идеологизация духовной культуры как фактор современной общественной жизни.....	22
ГЛАВА 2. ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА ИСТОРИИ РОССИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	30
§ 2.1. Цивилизационное своеобразие России как фактор истории	30
§ 2.2. Образ России в сознании Запада: исторические стереотипы	57
§ 2.3. Образ России в западной пропаганде: история русофобии.....	66
§ 2.4. Методы информационной войны в арсенале современной геополитики	80
Заключение	87
Рекомендуемая литература.....	88

Введение

События последних десятилетий и лет, а также новости последних месяцев явственно показывают, что идеологическая борьба как была, так и остается могущественным, а порой – решающим фактором мировой политики и общественной жизни.

Один из персонажей написанного в конце XIX века литературно-философского произведения В.С. Соловьева, некий «Политик» развивал следующие мысли, популярные в образованном классе того времени: «Мы *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие <...> Теперь наступает время мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества. В этом смысл истории»¹. Через неполные сто лет после этого американский профессор японского происхождения пишет: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»². К этому времени, правда, в роли главного триумфатора уже выступали Соединенные Штаты Америки, оттеснив Старый Свет на второй план. Фукуяма провозгласил тогда наступающий «конец истории» и переход в «постисторию», где торжествуют общечеловеческие либеральные ценности. Деятельность М.С. Горбачева давала прогрессивному человечеству все основания надеяться, что «постисторическое сознание, представленное “новым мышлением”, – единственно возможное будущее для Советского Союза»³.

Однако, несмотря на эти надежды и заверения и несмотря на реальные процессы глобализации, единого мира все-таки не возникло. Во-первых, как показывает история последних десятилетий, Запад вовсе не рассматривает Россию как равноправного геополитического партнера, горбачевское «новое мышление» явилось инструментом не интеграции России в либеральное мировое сообщество, а ее ослабления и подчинения чуждым интересам. А во-вторых, история конца XX и начала XXI века раз за разом демонстрирует, что сами эти западные принципы либерализма, гуманизма, международного права и т.д., подаваемые как универсальная основа идеального миропорядка, применяются Западом весьма избирательно, а то и вовсе игнорируются, когда речь идет о реальной политике и о достижении собственных целей.

Череда политических событий 2014-2015 годов позволяет говорить о том, что скрытое противостояние западного мира и России снова переходит в открытое противодействие со стороны Запада историческому развитию нашей страны. Очень важное место в стратегии и практике этого про-

¹ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 697.

² Фукуяма Ф. Конец истории? – Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

³ Там же. С. 147.

тивоедействия занимает идеологическая обработка массового сознания, как на Западе, так и в России. Эта деятельность не является чем-то новым по существу, меняются только ее внешние формы и приемы. Современные информационные технологии, понимаемые как не только технические средства, но и как способы манипуляции общественным сознанием, делают конструируемую виртуальную реальность практически материальной силой, определяющей исторический процесс. В частности, одним из важнейших элементов этой виртуальной картины мира, формируемой в массовом сознании, является идеологизированный образ России. В монографии анализируются наиболее значимые исторические и теоретические основания цивилизационной самобытности России, а также рассмотрена идеологическая подоплека формирования определенного образа России в массовом сознании.

При этом мы обратимся как к западным интерпретациям российской истории и современной политики, так и к тем представлениям, которые имеет сам российский народ о собственной истории, о собственной культуре, о собственной государственности и политической жизни. Отношения России и Европы активно осмыслялись обеими сторонами этих отношений. Проблема судьбы России и смысла русской истории в контексте истории мировой является одной из основополагающих тем русской философии и общественной мысли. Россия как «загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» (Уинстон Черчилль) всегда была вызовом и проблемой для европейского сознания. Образ России является, таким образом, ключевым пунктом в идеологических построениях, определяющих взаимоотношения западного мира и российской цивилизации.

Необходимо отметить, что образ России в сознании самих россиян в такой же степени является продуктом и инструментом определенной «русской идеологии», в какой продуктом и инструментом западной идеологии является образ России в западной общественной мысли и культуре. Этот факт нисколько не отменяет для нас необходимости отстаивать именно русское понимание России, в котором так или иначе отражаются наши убеждения и идеалы, наши мировоззренческие установки, наше понимание своей исторической миссии. В идеологической борьбе обе стороны всегда идеологически мотивированы, каждая отстаивает «свою правду», но все-таки даже этот факт не означает равноценности противоположных позиций. Применительно к несколько иным обстоятельствам эту проблему ставит, например, герой романа А.И. Солженицына «В круге первом».

«Может быть, люди-то все хотят доброго – думают, что доброго хотят, но все не безгрешны, не без ошибок, а кто и вовсе оголтелый, – вот и причиняют друг другу столько зла. Убедят себя, что они хорошо делают, а на самом деле выходит худо.

Наверно, не очень ясно он выражался. Спиридон косовато, хмуро смотрел, ожидая подвоха, что ли.

– А теперь если ты, скажем, явно ошибаешься, а я хочу тебя поправить, говорю тебе об этом словами, а ты меня не слушаешь, даже рот мне

затыкаешь, в тюрьму меня пихаешь, – так что мне делать? Палкой тебя по голове? Так хорошо, если я прав, а если мне это только кажется, если я только в голову себе вбил, что я прав? Да ведь если я тебя сшибу и на твое место сяду, да “но! но!”, а не тянет оно – так и я трупов нахлестаю? Ну, одним словом, так: если нельзя быть уверенным, что ты всегда прав, – так вмешиваться можно или нет? И в каждой войне нам кажется – мы правы, а тем кажется – они правы. Это мыслимо разве – человеку на земле разобраться: кто прав? кто виноват? Кто это может сказать?

– Да я тебе скажу! – с готовностью отозвался просветлевший Спиридон, с такой готовностью, будто спрашивали его, какой дежурняк заступит дежурить с утра. – Я тебе скажу: волкодав – прав, а людоед – нет!

– Как-как-как? – задохнулся Нержин от простоты и силы решения.

– Вот так, – с жестокой уверенностью повторил Спиридон, весь обернувшись к Нержину: – *Волкодав прав, а людоед – нет*»⁴.

Нравственная проблема правомерности любой борьбы, идейной в том числе и даже в первую очередь, может иметь только нравственное решение. Когда в критический период Гражданской войны в Америке Линкольна пригласили помолиться, чтобы Бог был на стороне северян, он ответил, что молиться следует не об этом, а о том, чтобы северяне были на стороне Бога. А русский народ эту же мысль выражал сходным образом: «Не в силе Бог, а в правде». Важно не то, чтобы на нашей стороне была сила, а то, чтобы мы были на стороне правды. Наша правда и наша правота в идеологической борьбе, происходящей по поводу места России в мировой истории и ориентированной на формирование того или иного образа России в массовом сознании, может опираться только на ясное понимание основ российской цивилизации, на жизненную причастность исторической судьбе России, на верность ее историческому призванию.

Необходимым методологическим и теоретическим ориентиром для нашего исследования должно, таким образом, выступать понятие «исторической судьбы России». Нельзя сказать, чтобы понятие «судьбы» было в достаточной степени рационально и философски разработано. Неоднозначность в его трактовке связана, прежде всего, с тем, что оно аккумулирует в себе слишком многие аспекты мировосприятия и миропонимания.

В истории философии, начиная с античности, сложились различные подходы к пониманию понятия судьбы. Первоначально судьба трактовалась как фатум (рок) – внешняя сила по отношению к народу и индивиду. В этом плане социальные обстоятельства – это судьба народа. Вариантом этого подхода является дошедшее до нас понимание судьбы как фортуны, как случайного стечения жизненных обстоятельств. Таким образом, под судьбой народа понимается его доля и участь.

С другой стороны, утверждаемая в христианской культуре идея свободы самоопределения человеческой личности перед лицом Бога-Любви сформировала другую традицию употребления слова «судьба», – этим сло-

⁴ Солженицын А.И. В круге первом: роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 545-546.

вом обозначается тот путь, который выбирается человеком, и то «здание собственной жизни», которое он строит каждым своим шагом на этом пути. Именно в этом смысле говорят: «Человек (или народ) – сам творец своей судьбы». Так понимаемая судьба – это самосозидание, самореализация человека или народа. Внешние обстоятельства от нашей воли не зависят, – можно верить, что они определяются игрой случая, а можно видеть в них проявления Промысла Божьего, – но кем буду я в этих обстоятельствах, – зависит только от меня самого.

Историческое существование народа – это и есть обретение этим народом собственного характера и собственной судьбы. Законы общества и истории, в отличие от законов природы, не действуют как слепые силы, а проявляются через деятельность людей. Исторические условия представляют собой определенный вызов, отвечая на который народ выстраивает свою судьбу и приходит к осознанию своей исторической миссии.

Понятие исторического призвания синтезирует в себе объективные и субъективные основания исторической судьбы народа. С одной стороны, историческое призвание России органически связано с ее геополитическим положением, с ее этническим составом, с логикой мирового исторического процесса. Но с другой стороны, это историческое призвание обретает свою реальность только через осознание его народом, через служение и верность народа своему призванию. Только сознательно и самоотверженно реализуя свое призвание народ обретает и реализует себя, становится не просто «этническим материалом» истории, а ее *творцом*.

Понятия судьбы народа и его исторического призвания логически предполагают и финальную завершенность его истории. Рано или поздно любой народ сходит с исторической сцены, не исключение и русский народ. Однако важен не сам этот очевидный факт конечности истории народа, по-настоящему важно то, в какой мере ему удалось выполнить свою историческую миссию, в какой мере народ состоялся в своей исторической судьбе. В этом смысле образ России определяется не только ее прошлым и настоящим, но и тем проектом ее исторического бытия, который устремлен в будущее и к предельным идеалам мировоззрения народа.

ГЛАВА. 1. ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1.1. История как объективная реальность и как идеологическая конструкция

Давно уже привычной стала мысль о том, что, обращаясь к истории, человек, в сущности, обращается к самому себе, к своей жизни. Те или иные факты, те или иные исторические деятели служат человеку неким зеркалом, в котором он может лучше рассмотреть свою собственную жизненную ситуацию и возможные пути решения проблем. А уж если исторические события и исторические личности уложены в связный рассказ, то такая история даже и не скрывает своего намерения чему-то нас научить. При этом часто вопрос, «а как же оно было на самом деле» поднимается только ради того, чтобы понять, «а о чем же все это нам говорит». Может показаться, что факты вообще второстепенны, главное – интерпретация. Какая, например, разница, был ли, действительно, виновен Борис Годунов в смерти царевича Димитрия? Главное смысл: даже если бы на «слезинке ребенка» удалось построить благополучие и процветание (о чем писал уже Ф.М. Достоевский), это счастье было бы безвозвратно отравлено, да и не получится никогда ничего прочного построить на злодействе. А если в противовес А.С. Пушкину написать художественное произведение, где Годунов был бы не виновен, то и из него можно было бы извлечь полезный смысл: клевета и зависть губит даже самые добрые начинания мудрых царей. Логическим завершением такого подхода являются знаменитые слова А. Дюма-старшего: «История – гвоздь, на который я вешаю свои картины».

И все-таки, – историческая истина чрезвычайно важна. Не все равно, на каких фактах выстраивать исторический рассказ. Не все равно, как оно было на самом деле. Не все равно потому, что правда – это самый мудрый учитель, не говоря уже о том, что она – самый изобретательный рассказчик. Настоящее знание истории могло бы очень помочь человеку разобраться в жизни.

А вот с настоящим знанием истории дело обстоит весьма печально. Речь идет не только о недостатке исторических знаний и не только о том, что эти знания по большей части мифологичны, – в массовом сознании весьма искажены сами представления о том, что же это такое – историческая истина.

Так, например, распространенным заблуждением является взгляд, что историческая истина – это то, что все историки считают правильным. Такой взгляд ставит качество исторической истины в зависимость от субъекта, его мнений и воли. Субъективистские воззрения выражает конвенционализм, рассматривающий истину как результат соглашения людей, прагматизм, называющий истиной то, что полезно для общества, релятивизм,

считающий, что у каждого истина своя, и другие философские направления. Известно, что классическая трактовка истины направлена против субъективизма. Она принадлежит Аристотелю. Под истиной Аристотель понимал знание, соответствующее действительности. Истина постигается тогда, когда «рассматривают вещи, каковы они, исследуют не вечное, а вещь в ее отношении к чему-то и в настоящее время»⁵.

Однако возникает вопрос о том, как применить эту классическую трактовку истины к историческому познанию? Ведь непосредственное ее применение затрудняется здесь тремя обстоятельствами: во-первых, неполнотой информации о прошлом (всегда находятся «белые пятна истории»); во-вторых, невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым; в-третьих, огромным влиянием идеологии на историческое познание (существует мнение, что исследователи истории идеологически зашорены), которая заставляет исследователей избирательно относиться к истории.

Действительно, историческая истина возникает в процессе исторического познания, в процессе познания прошлого, и в этом смысле она субъективна, т.е. существует в сознании того, кто познает, и в своем существовании зависит от субъекта познания, является человеческим способом освоения действительности. Однако историческая истина субъективна не вообще, а только в строго определенных отношениях. Субъективность исторической истины обусловлена такими важными аспектами исторического познания, как выбор объекта и предмета познания, как постановка цели и задач познания, как выбор средств, методов и форм познания истории.

Очевидно, необходимость получения исторической истины обусловлена рядом задач, которые ставит перед учеными общество. Прежде всего, историческая истина связана с удовлетворением потребности в социальном воспитании. История дает множество образцов социально значимого поведения. Поступки исторических персон, исторические примеры разрешения конфликтов, укрепляющих общественный строй, становясь эталонами, дают обоснование нормам поведения. Уже античные историки отчетливо сознавали это назначение исторической истины. Сохранить деяния отцов и дедов для потомства как источник подражания или предмет для размышления было целью большинства авторов и в средние века, и в Новое время. Так как в различные исторические эпохи одобрялись и порицались различные нормы и эталоны поведения, то авторы исторических произведений представляли прошлое с позиции своей эпохи, то есть субъективно.

Историческая истина востребована такой потребностью, возникающей в процессе развития любого общества, как его социально-этническое самоопределение. Социальная идентификация создает условия сохранения культуры, связи поколений, взаимопонимания и сотрудничества. При решении этой задачи «история перечитывается заново», в ней стремятся

⁵ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 94-95.

найти подтверждение этнической особенности, специфическим качествам национальной культуры, национальной идеи. Ярким примером является книга «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, в которой автор обосновывает идеи славянофильства. Н.Я. Данилевский – создатель теории культурно-исторических типов, в которой развивается идея о разнородности цивилизаций, о наличии множества несхожих, «своеземных» культурно-исторических традиций. Формулируя общие законы развития самобытных цивилизаций, Данилевский исходил из того, что все они представляли собой осуществление определенной формы культурного творчества – научного, правового, религиозного или художественного. Первый закон гласил, что для возникновения цивилизации необходимо, чтобы народ обладал соответствующими «духовными задатками» и пользовался политической свободой. Данилевский формулирует законы функционирования цивилизаций. По Данилевскому, особенность славянского культурно-исторического типа – «четырехосность», т.е. синтез всех сторон культурной деятельности, которые до сих пор разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении.

Изучение истории имеет несомненное значение для плодотворного развития общества, хотя, например, немецкий философ Г. Гегель сомневался в полезности исторического опыта, утверждая, что «народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было извлечь из нее»⁶. В чем-то, конечно, он прав, уроки истории усваиваются людьми трудно, однако этот факт только подчеркивает необходимость серьезного отношения к историческому знанию. Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский писал, что «история учит даже тех, кто у нее не учится; она их *проучивает* за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце сожалеет о своем отношении к ней. Она пока учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее, она пока только сечет своих непонятливых или ленивых учеников, как желудок наказывает жадных или неосторожных гастрономов, не сообщая им правил здорового питания, а только давая им чувствовать ошибки их в физиологии и увлечения их аппетита. История – что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяние»⁷.

Одной из важнейших потребностей общества является предвидение и предсказание будущего. Эта потребность порождается спецификой человеческой практики как целеполагающей деятельности. Человеческие цели относятся к тому, чего еще нет, что подлежит к созданию, поэтому реализация цели требует четкого представления о будущем. В связи с этим возникает серьезная методологическая проблема, поскольку «для того чтобы знание прошлого могло служить основанием для предвидения будущего, необходимо располагать особыми познавательными структурами, т.е. спе-

⁶ Гегель, Соч. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 7-8.

⁷ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 265-266.

циальным логическим механизмом, гарантирующим правильность переноса информации о прошлом, которого уже нет, на будущее, которого еще нет. Сама эта процедура должна получить определенное обоснование»⁸.

Наконец, историческая истина, как и любая истина, субъективна по способу существования. Она является субъективным образом, «картиной, которую нарисовал субъект». Если заметить только эту сторону исторической истины и не учесть ее отношение к реальным историческим явлениям, то можно прийти к выводу, что истин столько, сколько людей исследует историю, что любое мнение отдельного историка или их группы истинно, что верен принцип «как кому кажется, так оно и есть на самом деле».

Истинность исторического знания определяется в конечном итоге единственным обстоятельством – насколько оно правильно воспроизводит реальную историческую ситуацию. Как правильное отражение реальной познавательной ситуации истина не зависит от субъекта, от того, как к ней относится та или иная личность, та или иная группа людей. Ни авторитет, ни положение, ни убежденность субъекта сами по себе не определяют истинности утверждаемого тезиса.

Истина характеристика знания. Историческое знание – результат познания. В рамках гносеологической триады истина исторического знания раскрывается трояко: 1) в отношении к объекту оно есть предметное воспроизведение бытия, идеальное отображение объекта субъектом; 2) в отношении к практике оно есть оперативное воспроизведение бытия, идеальное преобразование субъектом объекта, осознание ситуации деятельности, ее целей, средств и условий; 3) в отношении к субъекту оно есть оценочное осознание бытия, идеальная оценка субъектом его отношения к объекту и к собственной деятельности.

Предметность, оперативность и оценочность – универсальные аспекты всех форм исторического знания. Ни одна форма знания не может не иметь предметного содержания. И факт, и закон, и теория соответствуют своему предмету. В то же время во всех формах научного знания фиксируются ситуации их получения, а также оценка субъектом отношения к предмету и ситуации деятельности. Следует подчеркнуть, что во всех трех аспектах имеет место единство репродуктивного и продуктивного. Творческое начало есть в предметном, оперативном и оценочном аспектах научного знания.

Итак, субъективизм в историческом познании и субъективность исторической истины – разные вещи. Историческая истина как человеческий способ освоения социальной действительности всегда остается субъективной, воспроизводит ту познавательную ситуацию, в которую погружен субъект, отражает его установки, волю и интенции.

⁸ Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 12-13.

§ 1.2. Материалистическая идеология как фактор формирования массового сознания

В данном параграфе мы рассмотрим закономерные следствия принятия материалистических постулатов на уровне ценностного сознания человека, и в частности – его исторического сознания. В качестве некоторого эпиграфа позволим себе привести цитату всемирно известного ученого, с именем которого связано, пожалуй, самое крупное достижение биологической науки XX века – открытие пространственной структуры молекулы ДНК, – Френсиса Крика. Эти слова цитируются часто, и в синонимичных вариантах перевода их легко найти в сети Интернет. Мы приведем их так, как они даны в статье Сергея Худиева «Разум, ведущий к вере», опубликованной в журнале «Фома»:

«Вы, Ваши радости и скорби, Ваши воспоминания и устремления, Ваше чувство личной идентичности и свободной воли на самом деле не более чем определенное поведение огромного скопления нервных клеток и связанных с ними молекул. Вы – не более чем набор нейронов... Хотя и кажется, что мы обладаем свободной волей, наши решения уже предопределены для нас, и мы не можем этого изменить»⁹.

Автор статьи цитирует слова Френсиса Крика в контексте полемики, однако добросовестность цитирования подтверждается тем, что приведенные им слова любят вспоминать и сторонники материализма, видя в них ясное и четкое выражение разделяемого ими мировоззрения. Так, например, на сайте «Свобода от религиозного фундаментализма» помещена заметка известного атеистического автора Е.К. Дулумана «Нобелевский лауреат Фрэнсис Крик и атеизм», где в числе трех наиболее значимых высказываний Френсиса Крика приведены и эти слова¹⁰.

В дальнейшем изложении мы оставим за скобками вопросы о соотношении, обоснованности и взаимных претензиях религиозной веры и атеизма, а также не будем подробно останавливаться и на вопросе о соотношении материализма и научного знания. Тем читателям, которые не поверят на слово, что рассмотрение этих аспектов не «добавляет очков» ни материализму, ни атеизму, мы, во-первых, оставляем право занимать по этим вопросам любую позицию, а во-вторых, предлагаем, независимо от занятой позиции, обратиться к логическому анализу идейных структур материалистической философии и ее следствий для ценностного мира человека.

Прежде всего, эти идейные структуры необходимо изложить. При всей кажущейся простоте материалистических убеждений их изложение оказывается делом чрезвычайно затруднительным в чисто языковом отношении. Дело ведь в том, что естественный язык, на котором говорят все

⁹ Худиев С. Разум, ведущий к вере // Фома: православный журнал. 2011. № 10(102). С. 30-31.

¹⁰ Дулуман Е.К. Фрэнсис Крик – величайший ученый и убежденный атеист [Электронный ресурс] // Свобода от религиозного фундаментализма. Sotref.com, 2006-2010. URL: http://sotref.com/nauka_i_religija/kreacionizm/555-fryensis-krik-velichajshij-uchyonyj-i-ubezh-dyonnyj-atelist.html (дата обращения: 7 марта 2014 г.).

люди (и материалистические философы, конечно, тоже имеют его в качестве основы своей терминологии), насквозь пропитан религиозно-идеалистическими и мифологическими элементами. Излагая принципиальные основы философии материализма, приходится тщательно следить за словами, добиваясь точности передачи смысла. Прежде всего, нужно уяснить, что материю, как ее понимает материализм, нечему логически противопоставить. Кроме материи нет ничего, – утверждает материализм, и в этом смысле он радикально монистичен. Даже традиционно воспроизводящиеся в учебниках оппозиции «материя – дух», «материя – сознание» несут в себе нисколько не больше осмысленности, чем, например, оппозиция материи и массы. Ведь сознание (оно же дух) мыслится материализмом как «свойство высокоорганизованной материи». Утверждать в качестве членов бинарной оппозиции материю и одно из ее свойств логически нелепо.

Итак, кроме материи с ее свойствами и ее внутренними закономерностями нет ничего. Такое положение, кстати говоря, сводит на нет возможность сколько-нибудь внятно определить понятие материи: определение – это указание пределов, а у материи пределов нет. То, что называется «интуитивной понятностью» материи, базируется на нематериалистических предрассудках, будто бы есть что-то вне материи, – на подсознательном предположении существования чего-то «нематериального». Понятие «нематериального» ничтоже сумняшеся используют даже и философы-материалисты, хотя, строго говоря, по их воззрениям, ничего нематериального нет и быть не может.

Так называемое «ленинское определение материи» в учебниках последних лет уже не цитируется прямо, но по существу остается основой для изложения соответствующих тем учебного материала. Это определение стоит рассмотреть подробно. Звучит этот текст, наизусть знакомый каждому философски образованному человеку, следующим образом: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹¹. Если на минуту отвлечься от того факта, что это определение долгое время считалось высшим достижением материализма, то выяснится, что оно не содержит ничего специфически материалистического и определяет материю тем самым «интуитивно понятным» образом, который согласуется с любым философским мировоззрением, кроме... материалистического.

При попытке прочитать эти слова последовательно материалистически, недоразумения начинаются с самых первых слов. Понятием «материя» предлагается обозначить объективную реальность, что подразумевает различение объекта и субъекта. А разве субъективная реальность не имеет материального характера?! То, что именуется «субъективной» реальностью,

¹¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. М.: Наука, 1961. С.131.

«представлениями», «внутренним миром» человека, – не есть ли все это с точки зрения материализма некое состояние материи и материальные процессы? Далее, – материя (она же «объективная реальность») «дана человеку в ощущениях его». Звучит так, словно человек есть нечто вне материи. Наконец, – материя «копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Оставляя в стороне неуместное многословие, подчеркиваем главное: материя существует независимо от наших ощущений. В этом и состоит «интуитивная понятность» материи: это то, что существует независимо от нас и действует на наши нервы.

Однако, во-первых, эта основанная на «здравом смысле» картина противоречит современной науке: «Наивное представление о реальности частиц, обладающих четко определенными свойствами в отсутствие наблюдений над ними не выдержало испытания»¹². А во-вторых, это интуитивно понятное определение на уровне того же здравого смысла противоречит самому материализму: если А независимо от Б, то логично полагать, что и Б независимо от А, – независимость материи от сознания должна бы означать и независимость сознания от материи, то есть означать идеализм. Статус сознания определяется материализмом однозначно: оно есть «свойство материи», заключающееся в том, что одни части материи отображаются в других ее частях. При этом, однако, материя оказывается независима от сознания (то есть собственного свойства отражать саму себя!). Оставим в покое эти логические несообразности. Попробуем все-таки понять, что представляет собой материализм в мировоззренческом смысле, для того чтобы стало возможным проанализировать его аксиологическую значимость.

Как мы уже выяснили, смысл материализма даже не в утверждении материальности мира, которую вполне признают и многие другие мировоззрения, а в отрицании: кроме материи нет и не может быть ничего вообще. Именно отрицательное определение дает «материализму» В.И. Даль: «отрицание всякой духовной силы, сущности духа в природе»¹³. Все, что представляется философски наивному взгляду «нематериальным», является на самом деле внешним проявлением сложного взаимодействия материальных состояний, сил и процессов, – вот о чем идет речь.

Однако помимо этой отрицательной стороны (нет ничего, кроме материи) в материализме присутствует и утвердительный смысл: весь состав бытия, весь мир насквозь – материален. Формально определить материю материализм не может, – она не имеет «иного», – но содержательно материальность всего в целом бытия что-то должна означать.

Если присмотреться к материалистической философии, то становится понятно, что под материальностью мира она имеет в виду эмпирически познаваемое природное, физическое бытие и его имманентные законы. «Единство мира состоит в его материальности», – это означает: «Все в ми-

¹² Девис П. Суперсила: поиски единой теории природы / пер. с англ. Ю.А. Данилова и Ю.Г. Рудного; под ред. Е.М. Лейкина. М.: Мир, 1989. С. 53.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. С. 305.

ре существует физическим образом и управляется физическими закономерностями». «Материя первична», – значит: «Физика является первоосновой всего». «Нет ничего, кроме материи», – имеется в виду: «Все существующее сводится к физическим взаимодействиям физических объектов по физическим законам». Слово «физика» понимается здесь в исходном своем смысле, который одновременно является и наиболее соответствующим современному уровню развития науки. Физика (от греческого φύσις – природа) – это наука о принципах существования всей природы вообще. Когда-то ученым казалось, что законы химии имеют особый характер, что физиология живых организмов имеет другую основу, чем физика неживых тел. Сегодня физикам ясно, что все процессы в природе – от механики до биохимии – имеют в основе четыре вида взаимодействий: гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое внутриядерные взаимодействия, которые вполне возможно свести воедино в рамках единой теории поля или «суперструн»¹⁴.

Перейдем теперь к главному нашему вопросу о том воздействии, которое оказывает материалистическая философия на ценностную систему сознания человека. Следует сказать, что в рамках последовательно материалистического мировоззрения, которое мы описали, многие привычные понятия теряют свой смысл, либо так сильно трансформируются, что узнать их в этом новом облике становится трудно. Прежде всего, исчезает всякая возможность говорить о свободе в настоящем смысле этого слова, то есть в том смысле, который предполагается естественным употреблением этого слова. И речь не идет о том, что материалистическая философия выясняет настоящий смысл обыденных смутных представлений о свободе, поднимая их на научную высоту. Нет. Материалистическая философия именно уничтожает настоящий смысл этого слова. В начале параграфа процитирован Френсис Крик, «величайший ученый и убежденный атеист»: «Хотя и кажется, что мы обладаем свободной волей, наши решения уже предопределены для нас, и мы не можем этого изменить». Классики материализма XX века кратко формулируют это так: «Свобода есть осознанная необходимость». А развернуто, например, так: «...пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами “слепой необходимости”». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) независимо от нашей воли и нашего сознания, – мы господа природы»¹⁵. Наивная нелепость этих сентенций заключается в том, что «наша воля и наше сознание» существуют, согласно материализму, именно по тому самому закону природы, который познается, они являются его проявлением, и познание закона природы есть тоже проявление закона природы (и незнание его есть тоже проявление закона природы), а потому говорить о «рабстве» или «господстве» одинаково неуместно. Понятия «свободы» и «несвободы» одинаково невозможны в рамках материалистического мировоззрения.

¹⁴ См., например: Девис П. Указ. соч. С. 179-185.

¹⁵ Ленин В.И. Указ. соч. С. 198.

Мы начали именно с темы свободы потому, что она в рамках нашей темы принципиально важна. Традиционно понимаемая аксиология предполагает свободу: есть ценности, есть сознающий их человек, и есть его самоопределение по отношению к этим ценностям, когда «высший смысл свободы открывается как следование внутреннему, нравственному долгу»¹⁶. Предполагается, что человек призван сделать некие ценности руководящим началом своей жизни, – но способен и не делать их таким началом. Предполагается, что человек способен и к переоценке ценностей, которая совершается его активным нравственным усилием. Само выделение и конституирование предметной проблематики аксиологии как самостоятельной области философской рефлексии было связано в первую очередь с работами И. Канта, противопоставившего сферу нравственной свободы сфере природной необходимости¹⁷.

Материализм объявляет ценностно-ориентированное поведение человека, как и все связанные с этим «духовные кризисы», проявлением непреложных физических закономерностей. Свобода человека, конечно, молчаливо подразумевается большинством материалистических философов в тех случаях, когда они говорят о настоящей жизни. Хотя наличие этой онтологической свободы невозможно теоретически совместить с материализмом, подразумевать ее приходится, для того чтобы жить и мыслить в нравственных категориях. Точно так же молчаливо и без объяснений материализм подразумевает способность человека иметь сознание ценностей и активно, творчески самоопределяться по отношению к ним. Материализм пытается даже говорить о духовной жизни человека. Вот только, используя все эти, мягко говоря, *заимствованные* понятия, материалистическая философия обращает их против того, у кого она их «позаимствовала», – против традиционной нравственной, эстетической и философской культуры человечества.

Когда-то основоположники наиболее радикального и влиятельного направления материалистической философии были недовольны тем, что «под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче – все те грязные пороки, которым он сам предается втайне»¹⁸. Но стоит ли сводить причины такого понимания материализма к философской необразованности обывателя? Ведь правда то, что основу всех ценностей материализм видит в материальных потребностях человека: «Даже туманные образования в мозгу людей (именно «в мозгу», а не «в уме», например! – *примеч. А. А.*), и те явля-

¹⁶ Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета: науч. журнал. 2010. № 31(212): Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 47.

¹⁷ Аксиология // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов; 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом. 2003. С. 25.

¹⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 21. С. 290.

ются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса»¹⁹.

Иначе говоря, материализм провозглашает, что единственный настоящий и фундаментальный закон жизни (он же – закон природы; он же – базис общества; он же – истинный источник всех ценностей) – это «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин. 2: 16). Более того, первично-истинный закон – это именно «похоть плоти», удовлетворение материальных, физически-физиологических потребностей. Оно первично, отражая «первичность материи». «Похоть очей и гордость житейская» – на душевном и духовном уровне – это уже «испарения материального жизненного процесса». Таким образом, упомянутые в качестве «филистерских представлений» о материализме «тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоня за барышом и биржевые плутни» являются вполне закономерными «испарениями» названных перед ними «обжорства, пьянства, похоти и плотских наслаждений». И в совокупности все названные качества вполне точно отражают материалистическое понимание сущности мира и жизни в нем, а негативные оценочные коннотации к этим словам есть уже вполне идеалистические предрассудки.

Правда, по утверждению материалистов, «испарения материального жизненного процесса» могут иметь и вполне благопристойный вид. И действительно, мы видим в истории и современности людей, которые, декларируя свои материалистические взгляды, являют своей жизнью пример «служения высоким идеям» Добра, Истины, Справедливости, Свободы, Гуманизма, Патриотизма и т.д. Многие материалисты в своей личной жизни явно не чужды переживанию духовного смысла этих высоких ценностей. Беда только в том, что в своей философии они сводят смысл этих ценностей именно к весьма сложному и опосредованному проявлению «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской».

Даже если сами они способны к чистому от всякой материальной заинтересованности восхищению Красотой, происхождение эстетического чувства связывают с пищевым удовольствием и сексуальным желанием.

Даже если сами они вполне бескорыстно совершают что-то во имя Добра и способны к самопожертвованию, происхождение нравственности ведут от противоречивого сочетания инстинкта самосохранения и расчета на ответную помощь.

Даже если сами они готовы ломать копья за Истину, теоретически видят в познании только отражение одних элементов материи в других ее элементах, причем отражение, подчиненное всеобщим законам и никак не зависящее от иллюзии свободной воли, которая иногда у некоторых элементов наличествует, но сама является превратным отражением свойств материальной субстанции.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

Иначе говоря, даже если в своей личной жизни некоторые материалисты способны утверждать значимость духовно-ценностного измерения человеческого бытия, учением своим они растлевают умы и сердца.

Если «Красота» сводится в своей сути к очень опосредованному проявлению физиологии, то не правильнее ли жить прямо – физиологией?

Если «Добро» – это только очень странное проявление эгоизма и расчета (или стадного сознания), то не лучше ли жить прямо – разумным эгоизмом и избавиться от стадных предрассудков?

Если «Родина» имеет в основе тот же стадный инстинкт и ощущение привычного комфорта от материальных условий существования, то – не безумие ли жертвовать этим самым материальным комфортом – а то и жизнью! – ради какой-то мифической идеалистической «Родины»?

Если научное познание (к которому любят апеллировать материалисты) есть только отражение материи в самой себе (в нейронах мозга), то в чем же ценность того, что структура ДНК через какую-то невыразимую по сложности цепочку опосредований отразилась в нейронах мозга Френсиса Крика? Сам этот мозг великого ученого давно сгнил, говоря попросту, а философски выражаясь – материя перешла в иную форму существования. Мы можем тоже отразить в своих мозгах его открытие, отраженное на различных материальных носителях, но наши мозги ждет та же участь перехода в иную форму существования материи, причем независимо от того, отражали они вообще хоть что-нибудь или нет.

Обратимся теперь непосредственно к тому материалистическому пониманию истории, которое до сих пор привычно ассоциируется в массовом сознании с научным подходом. Да и для существенной части гуманитарной интеллигенции исторический материализм, с некоторыми, разумеется, поправками на уроки XX века, остается незыблемой установкой. Напомним, что «это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни <...> объяснить <...> все различные теоретические порождения и формы сознания: религию, философию, мораль и т.д., и т.д.»²⁰. «Материальное производство непосредственной жизни» – это рождение детей и обеспечение физического существования.

Первое, в чем пытается убедить нас эта концепция, – люди отличаются от животных тем, что... не отличаются от них ничем: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, – шаг, который обусловлен их телесной организацией»²¹. Сознание и религия, по мнению К. Маркса, – отличия несущественные, существенно то, что люди – как и животные – в соответствии со своей телесной организацией материально поддерживают свою жизнь, а также пытаются поддерживать ее все лучше и лучше.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 36-37.

²¹ Там же. С. 19.

Заговаривая о «сознании», К. Маркс отмечает, что оно есть осознанное отношение: «Мое отношение к моей среде есть мое сознание»²², чего нет у животных («животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”»; для животного его отношение к другим не существует; как отношение»²³). Но это едва наметившееся отличие человека от животного мира тут же усердно затушевывается указанием на первобытное «осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это – чисто животное осознание природы (обоожествление природы)»²⁴. Тут собрано в одной фразе столько несообразностей, что этот узел трудно распутать.

1. Почему «природа противостоит людям»? Не она ли их породила? Семью строчками ниже утверждается даже «тождество природы и человека». Почему же она для людей «чуждая и неприступная сила»?

2. Что значит: «люди относятся совершенно по-животному» к природе, когда только что (десятью строчками выше) было сказано: «животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”»?

3. Что значит: люди «подчиняются, как скот» власти природы? «Скоты», то есть животные это и есть сама природа, органическая часть природы, они не властвуют и не подчиняются, они просто поддерживают физическое существование и рожают потомство.

4. И, наконец, самое вопиющее: первичное человеческое «осознание природы... это – чисто животное осознание природы (обоожествление природы)»?! Для того, чтобы замазать всякий намек на принципиальные отличия человека от животного мира К. Маркс готов приписать животным даже «обоожествление природы»!

Речь идет не просто о каких-то «неудачных формулировках» К. Маркса, и уж конечно не о «диалектике», попытки прикрыться которой только дискредитируют диалектический метод мышления. Речь в данном случае – о принципиальной абсурдности этого подхода, ставшего уже привычным, но не способного связать воедино свои основания. Тот же Маркс много писал о коммунизме как подлинно человеческом обществе, где торжествует подлинно человеческое отношение к миру и друг ко другу, а также подлинная человеческая свобода. Но как только встает вопрос об основах этой человечности, о том, что же делает человека человеком, – однозначно утверждается, что человек ничем не отличается от животного, что все его отличия – это чисто животные качества, которые просто выглядят по-другому. Коротко и ясно выражая эту мысль: «Человек есть обезьяна и потому должен полагать душу свою за ближнего»²⁵.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 29.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества: сборник. М.: Республика, 1992. С. 415.

Итак, материалистическое понимание истории старается, прежде всего, убедить нас в отсутствии отличий человека от животного мира. Следующим шагом оно утверждает, что движущей силой истории является работа человека о материальном обеспечении своей жизни. Для того то и потребовалось говорить о естественном происхождении противоестественных проявлений человеческой души: религии, нравственности, тоски по смыслу жизни, жертвенного служения идеалам и т.д. Ведь именно эти проявления движут человеческую историю. Только после того как путем натяжек и подтасовок (а иначе не получается) удалось свести религию к «обожествлению природы у животных», к страху перед «чуждой» природой, с которой человек вообще-то «тождественен», свести нравственность к «саморегуляции вида» (тогда как эта саморегуляция обеспечивается инстинктом самосохранения и законом естественного отбора), свести все духовные идеалы (требующие вообще-то самопожертвования) к опосредованному обеспечению материальных интересов, – вот тогда и историю можно «объяснять». Только понять в ней уже ничего не удастся.

Не удастся даже понять, почему люди охотились на мамонтов, когда есть так много более удобных и безопасных для охоты животных, а мамонта не только убить очень трудно и опасно, но даже и съесть-то потом до конца невозможно. Не удастся понять, зачем люди еще до всякой государственной организации жизни, ютясь в жалких хижинах из плетеных циновок, строили для своих покойников (или для каких-то иных, но явно не хозяйственных целей) мегалитические сооружения, поражающие наше воображение. С точки зрения исторического материализма не удастся понять ни египетские пирамиды, ни единобожие древних евреев, ни наскальные росписи верхнего палеолита, ни духовную деградацию необычайно материально развитой современной цивилизации, как, собственно, невозможно объяснить, почему духовная деградация всех известных великих цивилизаций начиналась именно при достижении ими материального благополучия.

Внушая человеку мысль о том, что все в истории сводится к материальным интересам, такой подход заражает общество цинизмом. Все по-настоящему высокое объявляется, по существу, иллюзией, заблуждением, лицемерием и обманом. Назначение так называемого «духовного» – служить материальному благополучию, а всякий, кто утверждает обратное, автоматически попадает в одну из двух категорий: либо он глупец, не понимающий настоящего закона жизни, либо мошенник, пытающийся в своих корыстных интересах дурачить окружающих. Когда идеологи исторического материализма сетуют на бездуховность нынешнего общества, на отсутствие у молодежи идеалов, они, кажется, вполне искренне не замечают того, что это – их родные дети не только по крови, но и по убеждениям. Какую материалистическую духовность, какие материалистические идеалы они могли бы предложить им? Если в основе истории лежит «производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посред-

ством рождения»²⁶, то вполне естественно, во-первых, презрение к любой болтовне про духовность, а во-вторых, стремление обеспечить жизнь без труда, а детей вообще не рожать, а выращивать их в пробырке.

У материалистического понимания истории есть и еще одна особенность. Наряду с отрицанием бытийной уникальности человека и редукции его к животному, наряду с утверждением приоритета материального интереса в любом историческом процессе, этот подход внушает человеку непоколебимую уверенность в реальности прогресса. Материальный прогресс, ведь, налицо, а именно материальной стороной жизни все измеряется и определяется, следовательно, нельзя сомневаться в том, что мы стоим на более высокой ступени развития, чем наши предки. Причем, эта более высокая ступень означает не просто богатство материальной культуры, но и какие-то «духовные» богатства. Материальная культура якобы автоматически обеспечивает нам более высокий умственный, нравственный, философский, социально-политический уровень. Вопреки очевидности, современный человек считает все даже самое высокое в прошедшей истории проявлением недоразвитости, а свою собственную ограниченность и примитивизм – высшей формой человеческой культуры.

Подведем некоторые итоги в виде тезисных выводов.

Философский материализм убеждает человека в иллюзорности свободы и тем самым низводит его на положение вещи среди вещей.

Философский материализм внушает человеку мысль о сводимости всех духовных ценностей и устремлений человека к элементарным физиологическим функциям и тем самым подталкивает его к отказу от духовной мотивации как таковой.

Философский материализм лишает человека даже возможности задуматься о смысле собственной жизни, ограничивая умственный горизонт вопросами материального обеспечения этой жизни. Тому, кто все-таки дерзает спрашивать о смысле, материализм прямо заявляет (либо исподтишка внушает), что жизнь никакого смысла не имеет и иметь не может, поскольку представляет собой ничтожный момент в безначальном и бесконечном круговороте превращений материальной субстанции. Тем самым философский материализм подводит человека к признанию того, что единственный разумный рецепт в жизни: «Ешь, пей, веселись, ибо завтра умрешь. И в таком поведении тоже нет смысла, как нет его ни в жизни, ни в смерти, – разъясняет материализм, – но это, по крайней мере, приятно!».

Материалистическое понимание истории фальсифицирует понимание исторического процесса, сводя смысл истории к обеспечению материальных интересов. Кроме того, оно подводит человека к высокомерному отрицанию какой бы то ни было положительной ценности исторического знания: это знание, оказывается, нужно только для того, чтобы на примере прошлой дикости и варварства показать, как мы оторвались.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 28.

Философский материализм существует в нашей стране, во-первых, как наследие идеологической монополии советского марксизма, а во-вторых, подпитывается на бытовом уровне массовой идеологией «общества потребления», которая на Западе уже потребила, то есть истребила духовную культуру Европы, а теперь угрожает существованию России.

Философский материализм является мировоззренческим корнем духовного кризиса современной цивилизации. Этот кризис имеет множество проявлений в виде разрушения семьи, постмодернистского декаданса, паранаучного оккультизма, поддержки нравственных извращений под флагом «прав человека», гедонистических настроений, распространения депрессий и психопатологий, которые только усугубляются психоаналитическими методиками. Однако, на наш взгляд, именно материалистическое восприятие мира создает предпосылки для всех этих деструктивных проявлений.

Противодействие кризисным процессам в духовно-нравственной и социальной сфере может быть успешным только тогда, когда будет опираться на глубокую и сильную духовную философию, способную раскрыть для человека высокий смысл его призвания на Земле и в Вечности.

§ 1.3. Идеологизация духовной культуры как фактор современной общественной жизни

Духовная культура – своеобразная целостность искусства, науки, нравственности и религии. Формирование и накопление культурных ценностей может проходить разными путями, например, путем передачи ценностей от одного поколения другому или появлением новых при развитии общества.

На протяжении всей жизни человека идет процесс его социализации – усвоения им социального опыта прошлых и современных ему поколений. Исторический опыт поколений воплощен в созданных культурных ценностях. При общении человека с ценностями прошлого общечеловеческая культура как бы переливается в духовный мир личности, способствуя ее интеллектуальному и нравственному развитию. Этот процесс может протекать в ходе стихийного влияния на человека обстоятельств жизни и в результате целенаправленного воздействия на него со стороны общества, в процессе воспитания и прежде всего через ту систему образования, которая сложилась в обществе и отвечает его потребностям.

Еще один путь формирования системы ценностей – заимствование их у других народов. Диалог культур предполагает взаимопроникновение, взаимообогащение культур. Не случайно культурный обмен (выставки, концерты, фестивали и т.д.) стал доброй традицией в жизни современной цивилизации. В результате диалога создаются общечеловеческие культур-

ные ценности, важнейшими из которых являются нравственные нормы, и в первую очередь такие, как гуманизм, милосердие, взаимопомощь.

Уровень развития духовной культуры измеряется объемом создаваемых в обществе духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной освоения каждым человеком. Но следует также принимать во внимание и качество духовной продукции – научных открытий, книг, образования, кинофильмов, спектаклей, картин и музыкальных произведений.

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в духовной жизни России, неоднозначна. При огромном, практически неисчерпаемом культурном потенциале, накопленном предшествующими поколениями и нашими современниками, традиционные духовные ценности для многих людей теряют свое значение. Это затрагивает в первую очередь родной язык народов России. Отсутствие изучения малочисленными народами России родного языка в школах приводит к исчезновению некоторых языков, и, как следствие, к потере культурного наследия этих народов. Уменьшение количества часов русского языка и литературы влечет за собой общую языковую безграмотность молодого поколения, неспособность логично и правильно выражать свои мысли. Все чаще вместо средств родной речи, богатой оборотами, пословицами и поговорками, используется достаточно скудный разговорный язык, насыщенный иностранными словами. Кроме того, в процессе обучения мы сталкиваемся с ситуациями, когда обучаемые не знают или не понимают значение некоторых слов, не знакомы с элементами родной культуры, в том числе религии (именами известных писателей и ученых, некоторыми историческими фактами и т.д.).

Подрастающее поколение, как особая социально-демографическая группа постоянно находится в фокусе исследований социологов, поскольку именно оно является чутким индикатором изменений, которые происходят в обществе. От того, насколько изучен мир ценностей современной молодежи, ее установки, жизненные планы, во многом зависит эффективность мероприятий, которые разрабатываются в области образования, в сфере работы и занятости.

Сегодня в России живут около 25 миллионов детей и подростков. Именно на них в большей мере отражаются проводимые социально-экономические реформы, поскольку они относятся к наиболее уязвимым в социальном отношении слоям населения. Нравственное, интеллектуальное, эстетическое развитие детей и подростков напрямую связано с получаемой ими духовной пищей. Огромную роль в социализации личности играют средства массовой информации и книга.

Художественная литература обладает огромной общественно-политической, воспитательной и познавательной ролью, так как именно в ней представлена история всего народа, отображается общественная действительность.

Художественное произведение передает нравственное знание, накопленное человечеством за века его существования, через призму эмоционального восприятия. При знакомстве с художественным творчеством

и лирическими героями, помещенными в различные исторические эпохи, школьник намеренно или непроизвольно ставит себя на их место, мысленно перевоплощается в литературного героя с помощью воображения. Возникшее сопереживание вымышленному образу из-за невозможности влиять на его судьбу обращается как бы на самого читателя. Таким образом, художественная литература является мощным средством познания человека, формирует его разум, волю, влияет на его чувства и характер, то есть формирует личность человека.

Значение писателя и его творчества зависят от того, насколько правдиво и правильно отображены и высказаны интересы и представления людей. Создатель литературного произведения обобщает различные жизненные события и явления, затем строит типовые образы и при этом показывает свое личное отношение к данным событиям. В художественной литературе перед нами раскрывается жизнь людей во всем ее многообразии в разные века и у разных народов. Художественно нарисованные картины человеческой жизни обогащают наш ум знаниями, волнуют наши чувства, побуждают нас к действию, к воплощению в жизнь тех «благородных понятий и чувств», которые выражены в произведении.

В то же время, являясь одним из видов искусства – искусством слова, литература развивает в человеке чувство прекрасного, учит его видеть и понимать красоту художественного слова, литературных образов, которые создает писатель при помощи языка.

Большое значение при формировании личности человека имеет чтение классической литературы. Для сохранения и развития духовной культуры России, для формирования образа России в общественном сознании первостепенно значимо обращение к русской классике. Наряду с остротой социальных проблем, характеризующих русскую классическую литературу, необходимо указать на глубину поставленных в ней моральных проблем. Мерилом высоты нравственного идеала общества является его взгляд на личное счастье. Важно отметить, что проблема борьбы за счастье разрешалась в русской литературе не так, как в западной литературе. На Западе борьба за счастье – это борьба за личные успехи в обществе, борьба за карьеру, за обогащение. В русской литературе борьба за счастье – это прежде всего борьба за общественный идеал, стремление сочетать личное благо с благом общественным. Героев русской классической литературы трудно представить вне связи с судьбами родины.

Русская литература XX – начала XXI вв. актуальна своей современностью. Она изображает типичного представителя времени, оказывающегося в тех же социальных условиях, что и школьники, сообразно которым он развивается физически, духовно и социально. В литературе освещаются проблемы современности, предлагаются пути их разрешения, действенные для молодого поколения. Содержание современной литературы отражает не только эпоху и развитие общества XX века – начала XXI веков, оно созвучно мировосприятию человека XX – XXI вв. и поэтому может вызывать достаточно сильные эмоции и переживания.

В то же время в XX веке появилось понятие «массовой культуры». «Массовая культура» сформировалась одновременно с обществом массового производства и потребления. Радио, телевидение, современные средства связи, а затем видео- и компьютерная техника способствовали ее распространению. В западной социологии «массовая культура» рассматривается как коммерческая, поскольку произведения искусства, науки, религии и т.п. выступают в ней в качестве предметов потребления, способных при продаже приносить прибыль, если они учитывают вкусы и запросы массового зрителя, читателя, любителя музыки.

Основная социальная функция массовой культуры, в том числе произведений современных писателей – переключение их внимания с проблемного осмысления реальной жизни на зрелищное восприятие развлекательной массовой продукции, эмоциональную разрядку и игру воображения, уводящих человека в мир иллюзий. Герой современной литературы – это продукт современности, часто заимствован из западной культуры.

Современный автор изучает спрос нынешней аудитории, потакает ему, превращая писательство в производственный процесс. Литература превращается в своеобразную сферу бизнеса, как рынок, на котором конкурируют различные коммерческие проекты. Кроме того, продукт массовой, многотиражной литературы зачастую создается не одним человеком, а множеством так называемых литературных негров. Открытие одного автора тиражируется множеством клонов.

Таким образом, литература обретает новые функции в контексте культуры. Изменение культурного статуса литературы в современном обществе может привести к потере важнейшей ее функции: формирования национального сознания, размышлений о национальной судьбе, поисков места человека и государства в современном мире.

Основными источниками формирования массового исторического сознания в современном российском обществе являются идеология, национальные традиции, языковая культура, искусство, средства массовой информации, устное народное творчество, учебная литература, историческая художественная литература. Для каждого из перечисленных источников характерны свои содержательные и ценностные ресурсы, механизмы функционирования.

Массовое историческое сознание функционирует на обыденном уровне общественного сознания и не ищет опоры в теоретических научных исследованиях. Оно часто оперирует художественно-литературными и публицистическими версиями исторического прошлого и настоящего, которые могут воплощаться в киноискусстве, театральной драматургии, средствах массовой информации. Нужно признать, что для большинства людей именно произведения художественной литературы и искусства, а не научные труды историков остаются основными источниками сведений конкретно-исторического характера, особенно о событиях отдаленных эпох. Отражение истории в художественном творчестве, заключенные в литературных произведениях элементы исторической рефлексии являются

одним из источников формирования массового исторического сознания, для которого характерно восприятие прошлого как художественного произведения, видение истории как драмы и зрелища.

Существенной характеристикой массового исторического сознания является мифологизация, одним из источников которой служит художественное творчество. Мифологическое мышление по своей сути близко к художественному, поскольку в основном оперирует образами, а не понятиями. Взаимосвязь мифологического и исторического сознания неоднократно подчеркивалась и становилась предметом философского анализа. Так, Ю.А. Левада, одним из первых в современной отечественной философии затронув проблему исторического сознания, выделил мифологическое сознание как одну из форм сознания исторического²⁷. Он признал, что способ воспроизводства и оценки прошлого, характерный для массового сознания, во многом является мифологическим.

Известный исследователь мифологии Е.М. Мелетинский в книге «От мифа к литературе» обосновывает связь происхождения художественного воображения и художественного повествования с мифом, который является первоначальным источником всей духовной культуры. По определению Мелетинского, миф – это один из центральных феноменов в истории культуры и древнейший способ объяснения окружающей действительности и человеческой сущности, «первичная модель всякой идеологии», «синкретическая колыбель не только литературы, искусства, религии, но, в известной мере, философии и даже науки»²⁸. Доступность мифологического объяснения и толкования всегда находят отклик в сердцах читателей. Демифологизация сознания никогда не может быть полной, она всегда лишь относительна, а периодически ее сменяет ремифологизация, что мы могли наблюдать в XX в., в частности в постперестроечной России, когда на головы изумленных читателей и слушателей вылился поток не подлежащей критике информации, особенно касающейся истории России. Автор доказывает, что «сохранение мифологической ментальности в народном сознании, в системах идеологических и политических и в поэтической фантазии»²⁹ неизбежно, что делает мифологию вечной и неизживаемой в массовом сознании: «...мифологический способ концепирования связан с определенным типом мышления, которое специфично для первобытного мышления в целом и для некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена»³⁰. Миф представляет реальность посредством метафор и символов, они же являются художественными средствами литературы. Взаимосвязь мифологического и массового исторического сознания очевидна, а одной из основных точек соприкосновения и средством мифологизации массового исторического сознания является художественная литература.

²⁷ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 195-203.

²⁸ Мелетинский Е.М. От мифа к литературе // Теория мифа и историческая поэтика: курс лекций. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 2001. С. 5.

²⁹ Там же. С. 6.

³⁰ Там же.

Взаимосвязь истории и литературы бесспорна. Так же, как литература постоянно обращена к истории и не существует вне ее, так и история, будучи связана с литературой многообразными прямыми и опосредованными узами, обязана ей тем, что исторические события получают свое освещение в художественных произведениях. Литература может рассматриваться как своеобразная память истории, а последняя в течение многих веков служит неисчерпаемым источником ее содержания. Художественная литература является не только хранителем исторической памяти, но и одним из факторов формирования исторического мировоззрения.

Сфера непосредственного влияния художественных произведений на мировосприятие значительно шире, чем у научных трудов. Художественный образ как средство общения с читателем несравненно действеннее, понятнее и доступнее, чем научные работы, изобилующие терминами, цифрами и фактами. В распоряжении писателей – язык искусства и средства художественного мастерства, необходимые для более яркого освещения истории и запечатления образов прошлого. Массовое историческое сознание в большей степени складывается и закрепляется на базе разнообразных форм художественной трактовки истории, нежели опирается в этом на помощь исторической науки. Зачастую решающая роль в формировании массовых представлений о прошлом принадлежит не профессиональным историкам, а «художникам слова». Писатель выступает посредником между историей и современностью, между историей и аудиторией читателей.

К сожалению, в современном обществе увеличивается удельный вес исторического «китча» и значительно уменьшается влияние классической исторической художественной литературы. Их авторы апеллируют к обыденному восприятию истории массовым сознанием и рассчитывают, прежде всего, на эмоциональное, образно-художественное восприятие. Литературные произведения, обозначаемые термином «китч», или «массовая литература», неоднородны как по своему эстетическому качеству, так и по степени популярности у массового читателя. Исследуя социальный и исторический контекст возникновения данного явления, Клемент Гринберг, один из наиболее ярких художественных критиков XX века, в своем знаменитом эссе «Авангард и китч» приходит к выводу, что китч – это рассчитанные на массы коммерческие искусство и литература, с присущими им характерными чертами, среди которых можно назвать механистичность и действие по определенным формулам, культивация подменного опыта и подменных чувств, имитация воздействия искусства, отсутствие необходимости рефлексии, «живая узнаваемость, чудесность и сочувственность»³¹.

Речь идет об исторической публицистике, об исторических романах, которые творят мифы и насаждают шаблонные представления в массовом историческом сознании. Подобные произведения изначально адресованы массовому читателю, у которого отсутствует навык критического мышления, и нацелены на коммерческий успех. Апелляция к обыденному созна-

³¹ Гринберг, Клемент. Авангард и китч [Электронный ресурс]. URL: <http://azbuka.gif.ru/important/avangard-i-kitch/> (дата обращения: 3 февраля 2013 г.).

нию, простейшие логические построения, сенсационность, развенчание общеизвестных фактов, замена общепринятых оценок на противоположные – это те приемы, которые авторы подобных произведений чаще всего используют для привлечения внимания читательской аудитории.

Возможно, историческая художественная литература и является одним из основных источников познания истории для большинства людей. О силе воздействия исторического романа на сознание людей говорит уже тот факт, что некоторые исторические события и персонажи, описанные в книгах, на протяжении многих веков продолжают жить в людской памяти. Люди верят и в выдуманные события, которые принято называть «историей», в те события, которые никогда не существовали в исторической действительности, и даже документированные наукой факты не смогут их переубедить. Большинство неохотно принимает к сведению, что полюбившиеся истории противоречат действительности; ведь жить в мире фантазий и безоговорочно верить выдумкам и легендам удобнее. Исторические факты постепенно стираются из памяти, а легенды, которые гораздо ближе эмоции, чем рациональное знание, продолжают жить на протяжении тысячелетий. Следует отметить, что теоретическое историческое знание вообще с трудом пробивалось к общественному сознанию, в то время как легенда проделывала этот путь гораздо легче и быстрее. Искусство уже в силу своей эмоциональной природы является благодатной почвой для исторической легенды, исторического мифа. Культура знает немало примеров, когда конкретное историческое событие не столь далекого прошлого перерастает в легенду. Рядом с чередой реальных лиц и происшествий появляется их художественная интерпретация, оказывающаяся для последующих поколений намного притягательней и убедительней, чем их прообразы из реального исторического прошлого. В массовом сознании легенда зачастую становится самой историей.

Рассуждая об исторической «поэтике» и исторической «правде», невозможно не обратить внимание на то обстоятельство, что вопрос о надежности исторического знания волновал людей во все времена. Возможно ли вообще представить точную картину прошлого? Ученые, занимающиеся историческим познанием, до сих пор размышляют по этому поводу. В одном их мнения сходятся – история, как ни одна другая наука, подвержена фальсификации.

Немаловажную роль в этой ситуации играет тот факт, что у истории и литературы общие генетические корни – фантазия и вымысел. Произведения на исторические темы всегда составляли значительную часть литературного наследия, а тезис о том, что историческое сочинительство более благотворно для жизни, чем «историческая наука», был провозглашен еще Аристотелем. О сходстве историка и романиста рассуждал в знаменитой «Идее истории» историк и философ Р. Дж. Коллингвуд, который считал, что произведения и историка и романиста, будучи продуктами воображения, не отличаются друг от друга, они создают картину, в которую входят рассказы о событиях, описание ситуаций, раскрытие мотивов действий,

анализ характеров. И роман, и история являются продуктом «автономной, или самонаправляемой, деятельности; и в обоих случаях деятельность — априорное воображение»³².

Увлекательная фабула и мастерски закрученная интрига, захватывающее повествование, в основное действие которого вставляются красочные эпизоды, умение создать доподлинную историческую атмосферу и погрузить в нее читателя являются залогом успеха исторического романа, рассчитанного на широкую аудиторию. Все вышеперечисленные приемы — главные инструменты произведений массового искусства, которое стало характерной чертой XX и XXI века. В большинстве случаев читатель не задумывается о соответствии литературной истины истине исторической. В исторической художественной литературе отсылки к конкретным фактам настоящего мира тесно связаны с вымыслом, а элементы вымысла — с реальностью. Это приводит к тому, что, проведя некоторое время в мире исторического романа, читатель чаще всего начинает верить в истинность вымышленных персонажей и событий. Литература в данном случае дает возможность неограниченного применения способностей и воображения читателя к самостоятельному воссозданию прошлого, его структурированию. Таким образом, вымысел может способствовать формированию обыденных представлений об исторической реальности и последствия подобного процесса могут быть очень масштабны.

³² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю.А. Асеева; ст. М.А. Кисселя. М.: Наука, 1980. С. 234.

ГЛАВА 2. ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА ИСТОРИИ РОССИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

§ 2.1. Цивилизационное своеобразие России как фактор истории

Анализ проблем идеологической борьбы вокруг образа и роли России в мировой истории не может не начинаться с вопроса о специфике самого русского национального сознания, о том образе России, который присущ самому ее народу и который является одновременно и продуктом ее исторического развития, и одним из определяющих факторов этой истории. При этом также, как и в межличностном общении, помимо внешнего имиджа («я глазами другого») и внутреннего самоощущения («я в своих собственных глазах»), весьма значим еще и третий образ: тот идеал, который я имею, то, каким я хотел бы быть. В области идеологии сказанное имеет еще большую силу проявления. То, что называется национальной идеей и что по-настоящему определяет формы и динамику исторической жизни народа, связано в первую очередь не с наличным состоянием народного духа, и уж конечно, не с внешними оценками иностранцев, а с той мечтой, которая воодушевляет народ, с тем проектом себя, исходя из которого народ создает свое будущее.

Сознательная работа по формулированию такого проекта велась на протяжении всей истории Российского государства. Ясное осознание этого факта снимает даже сам вопрос, обладает ли Россия цивилизационной самобытностью, должна ли она иметь свой особый путь развития. Нужно иметь крайнюю тенденциозность взгляда, нужны, по-русски говоря, постоянные умолчания и натяжки, чтобы не видеть в русской истории, с одной стороны, сознательно утверждаемой обособленности по отношению к европейскому Западу, а с другой – нерасторжимой связи этой истории с историей европейской. Собственно говоря, то же самое можно сказать и об отношениях России с азиатским Востоком: есть и связь, есть и инаковость. Однако в случае Востока слишком уж очевидно, что Китай, или Индия, или Средняя Азия представляют собой чуждые для нас культурные миры, в отношении же Европы именно в силу большей общности акцент на обособлении становится очень значим для формирования «русской идеологии». Эта обособленность далеко не всегда имела характер враждебности, однако социокультурное, мировоззренческое, духовное, жизненное противопоставление Западу – это один из важнейших факторов формирования российского государства и русской культуры. Содержание и смысл такого противопоставления необходимо ясно понять, для того чтобы на современном этапе иметь концептуальные основы для творческого развития российской цивилизации.

Само начало осознания себя в истории, само начало политического самоопределения племен, которым предстояло вырасти в русский народ,

было связано с обособлением от европейского мира. Отношения с этим миром, с живущими к западу от нас племенами и народностями никогда не прерывались и были, как правило, спокойными, но это были отношения с *другими*, с другим укладом жизни. У этих «других» жизнь, может быть, и лучше, но мы – не они. Особый характер жизненного уклада восточных славян отмечали еще древнегреческие историки, поэтому такое положение, когда европейские народы (с западнославянскими племенами) с одной стороны и восточные славяне с другой воспринимали друг друга как *других*, нельзя считать случайным.

Достаточно общепризнано, что в качестве исходной точки формирования русского государства и русской культуры правильнее всего брать «Крещение Руси». Эта «исходная точка», конечно, во многом условна: «Крещение Руси» – это не момент, а процесс, занимающий несколько столетий, а этнические и культурные основы «русского мира» имеют предпосылки, уходящие, как минимум, на тысячу лет еще дальше в глубь истории, – при том, что эти основы претерпевали в русской истории определенные изменения. Однако выбор такой исходной точки исторически и культурологически весьма оправдан, поскольку именно в связи с принятием христианства Древней Русью начинается процесс ее исторического и геополитического становления. Кроме того, уже в этом исходном событии (длвшемся, как уже было сказано, несколько веков) мы ясно видим многие определяющие для русской цивилизации культурно-исторические особенности.

Прежде всего принятие христианства имело в качестве исторической предпосылки деятельность «моравских братьев», Кирилла и Мефодия, давших славянам собственную письменность и переведших на славянский язык книги Священного Писания и богослужебные тексты. Очень важно отметить, что эта деятельность славянских просветителей была направлена на все славянские племена и народности, западные и восточные, а прежде всего, – на западные: чешские (собственно моравская область), болгарские, балканские и т.д. То есть исходная почва для укоренения христианства была у восточнославянских племен общей с западными их собратьями: одна письменная система, разработанная и привитая усилиями святого Кирилла Философа, одни и те же священные тексты, понятные без перевода представителю любого славянского племени и укреплявшие самим фактом своего существования языковое единство славянского мира. Кирилл и Мефодий получили в 867 году благословение на свои просветительские труды от папы римского Адриана II, благословение в том числе и на переводы на славянский язык священных текстов. Таким образом, были, казалось бы, все предпосылки к тому, чтобы земли, населенные восточными славянами, вошли в единое духовное и культурное пространство Европы. Однако в это пространство вошли только западнославянские племена и народности, а русские земли откололись от европейского единства, повернувшись в своем духовном и культурном развитии на Восток, к Византии.

Очень показательны, что произошло это еще до «великого разделения церквей» 1054 года, в пору формального единства христианского мира, когда римский первосвященник по праву занимал первое место в диптихе христианских иерархов и мнил себя главою вселенской Церкви. Почетное первенство римской церкви никем не оспаривалось, Рим был для всех христиан «первый среди равных» (правда сам, как сказано, понимал это первенство в административно-юридическом духе, считая себя начальником), и вот в этой исторической обстановке Русь в лице князя Владимира решила принять веру не из Рима, а из Константинополя. Вряд ли причиной тому могла быть какая-то культурная близость или хотя бы симпатия к Византийской империи: восточная культура была гораздо более чуждой для славянских племен, чем западная, как по языку, так и по обычаям и быту, а Константинополь, как известно, был любимой целью грабительских набегов русских князей. В принятии веры из Византии проявилась, во-первых, духовная созвучность восточного православного христианства менталитету русичей, а во-вторых, – духовное противопоставление себя складывающейся западноевропейской культуре. А кроме того, в таком шаге можно видеть и проявление воли к полной культурной и геополитической самостоятельности. Духовная зависимость от Европы, с которой географически Русь составляла одно нераздельное (казалось бы) континентальное пространство, означала бы полную европеизацию жизни. Духовная зависимость от Византии, отделенной от русских земель морем, давала полную возможность зарождающейся русской цивилизации развиваться на самобытных основах. Несмотря на то, что в течение четырех с лишним веков русская Церковь возглавлялась присылаемыми из Византии грекоязычными митрополитами, русская христианская культура с самого начала и неизменно опиралась на церковнославянскую письменность и при всех испытанных влияниях сохраняла свою уникальную идентичность.

Не менее значимый момент русской истории связан со стратегическим геополитическим выбором, который выпал на долю благоверного князя Александра Невского. Русь в первой половине XIII-го века оказалась «между двух огней»: с Востока хлынули монголо-татарские полчища, а с Запада набрали силу крестовые походы. Воевать одновременно на два фронта, тем более, против таких мощных противников было, конечно, немыслимо, и с кем-то из них необходимо было заключать перемирие путем уступок. Опять-таки, казалось бы, все предпосылки имелись к тому, чтобы вступить в союз с Западом, – хоть и католическим, но все-таки христианским, более развитым в культурном отношении, чем Русь, и уж тем более, чем монгольская орда. Вся житейская материальная логика подталкивала именно к такому решению. Однако Александр Невский избрал прямо противоположный путь: он всеми силами и средствами замирял Золотую орду, с риском для собственной жизни ездил на поклон к ханам, добивался от русских княжеств покорности ханской воле, собирал и отправлял требуемую дань, но в то же время вел непримиримую борьбу со швед-

скими и немецкими рыцарями, категорически отвергая любые предложения о союзе.

Такая парадоксальная, на первый взгляд, позиция объясняется просто: монголы просто грабили и убивали, но не имели ни желания, ни возможности вмешиваться в духовную жизнь русских людей и навязывать свои формы жизни. Будучи на момент своего нашествия язычниками, монголы были по-язычески веротерпимы: то есть верили, что боги-покровители у каждого народа свои, а потому выступать против почитания каких бы то ни было богов опасно, они – хоть и чужие боги, но разгневаются и наказать очень даже могут. «Русского бога» монголы тоже вполне уважали. Русские храмы и монастыри при набегах иногда подвергались разграблению, убийства священников и монахов случались, но это никогда не было целенаправленной политикой, а в Золотой орде были построены христианские храмы для пленных русских людей. И даже когда в 1313 году хан Узбек принял для Золотой орды ислам, монголы не изменили своих отношений с Русью, они и в мыслях не имели насаждать свою веру и обычаи и делать из русских людей единоверных с ними монголов.

Иначе вели себя крестоносцы. Именно крестовые походы сделали церковный раскол 1054 года христианского Запада и христианского Востока непоправимым: приходя на земли, населенные православными христианами, западные «братья по вере» действовали целенаправленно против Церкви, которую считали еретической, грабили храмы и убивали священников не случайно, а «по убеждению», и всюду учреждали собственную католическую иерархию. Целью крестовых походов в отношении православных народов было приведение их под духовную власть папы римского и включение их в единое культурное и политическое пространство Европы. Таким образом, геополитический выбор, сделанный Александром Невским, позволил не просто сохранить самобытные духовные предпосылки развития русской культуры, но и предопределил вектор территориального расширения русских земель на восток.

В условиях политической несвободы и экономического порабощения, под властью Золотой орды, при постоянной угрозе новых набегов к концу XV-го века вызрела российская государственность, заявившая о себе как вполне самостоятельная ни на кого не похожая сила мировой истории. Для Востока Московское царство смотрелось европейской христианской монархией, а для Запада выглядело восточной деспотией. Как для того, так и для другого взгляда имелись очень серьезные основания, однако сама эта русская государственность не была ни тем, ни другим, сама русская культура не ощущала родства ни с восточными, ни с западными своими соседями. Более того эта культура нисколько не тяготилась отсутствием такого родства, рассматривала свою обособленность не просто как данность, а как нечто должное, как необходимое условие своего существования, чуть ли не как свое достоинство.

К концу XV-го века на Руси формируется идея, и даже целая идеология, наиболее известную формулировку которой дал учительный старец

Псковского Елеазарова монастыря Филофей в посланиях к великим князьям Василию III и Иоанну IV Грозному. Согласно этим посланиям, Церковь православная, символически изображенная в Откровении Иоанна Богослова как «жена, облеченная в солнце», убегаящая от преследующего ее дракона в пустыню, сначала бежала из старого Рима в Новый Рим, Константинополь. «Но ни тамо покоя обрет, соединения ради с латынею на осьмом соборе. И оттоле Константинопольская Церковь разрушися в поправление», – речь идет о подчинении Константинопольского патриархата власти папы римского под политическим и военным нажимом Запада (Флорентийская уния). После этого Церковь истинная «паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию». Духовный центр мировой истории перемещается, таким образом, в Москву: «Вся христианская царства снисдошася в твое едино, – пишет старец Филофей московскому князю Василию III, – яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти; твое христианское царство инем не останется... Един ты во всей поднебесной христианом царь»³³.

Так называемая «теория о Москве – Третьем Риме» сыграла в русской истории далеко не однозначную роль, однако она, несомненно, представляет собой сознательно выстроенное обоснование особой миссии России в мировой истории. Эта теория выражена в понятиях и образах соответствующей культуры, она построена по риторическим и мыслительным канонам своего времени, однако речь в ней, конечно, идет о вопросах, актуальных не только тогда, но и сейчас, и всегда, до тех пор, пока будет жива Россия. Это вопросы о смысле мировой истории и о месте России в ней.

Особенностью исторического процесса является то, что существующее в обществе понимание истории является одним из наиболее значимых факторов, реально делающих историю. В этом смысле невозможно говорить о том, что господствовавшее на каком-то этапе развития общества представление об истории было ошибочным. В то время, когда это представление (с которым мы можем не соглашаться, которое представляется нам целиком мифологическим) об истории господствовало, то именно оно и делало реальную историю, а значит, было истинным. Когда Россия в конце XV-го и в XVI-ом веке вышла на арену мировой истории, она осознавала себя в этой истории Третьим Римом, в который «вся христианская царства снисдошася» и который ответственен не только за собственную внутреннюю жизнь, но и за судьбы мира. Такое историческое сознание порой оборачивалось гордыней, оно явилось одной из внутренних пружин трагического для русской истории старообрядческого раскола XVII-го века, однако именно оно двигало русскую историю и формировало русский менталитет, – игнорируя этот фактор, по-настоящему понять что-нибудь в России не получится. Если «Крещение Руси» образует исходную точку русской истории, то провозглашение Москвы Третьим Римом знаменует наступление зрелости русского духа во всех отношениях: идейном, госу-

³³ Шмеман А., прот. Исторический путь православия. М.: Паломник, 1993. С. 360.

дарственном, культурном, общественном, с конца XV-го века начинается история Российского государства и лежащей в его основе «русской идеологии».

Излагая историю этой «русской идеологии», невозможно обойти молчанием ни один из ее кризисных, и тем самым ключевых моментов. Смутное время начала XVII-го века стало первым серьезным испытанием российской государственности не только на политическую и военную, но и на идеологическую прочность. Под угрозой снова, как и во времена Александра Невского, оказалась сама Русь, как таковая, как особый цивилизационный проект. Но есть и огромная разница между ситуациями начала XIII-го и начала XVII-го веков. В эпоху Александра русские земли были раздроблены и не имели объединяющей идеологии, дело шло, собственно говоря, о «спасении будущего», то есть об обеспечении возможности формирования самобытной русской цивилизации. В эпоху же русской Смуты XVII века внешний враг посягал уже не просто на территорию, а на сложившуюся централизованную государственность, — еще за сто с небольшим лет перед этим подобная ситуация и возникнуть не могла. Очень показательным то, что как только такое государственное единство русских земель возникло, как только московский государь стал не местным князем, а «царем всея Руси», как только российская государственность в полный голос заявила о своей самобытности, — Запад сделал все, чтобы прибрать к рукам московский престол, а вместе с ним разом всю Русь. Это даже почти удалось сделать: русские люди присягали Лжедмитриям, вели междоусобицы, допустили Русь почти до оккупации польскими войсками. Но все-таки слишком уже глубоко были восприняты в народе идеи единства и высокого исторического призвания русской земли. Учение о «Третьем Риме» не было уже чисто теоретическим построением, оно успело войти в народное самосознание, породив ту самую «русскую идеологию», которая легла в основу российского цивилизационного проекта. Это второе важное отличие ситуации начала XVII-го века от начала XIII-го: вместо племен, населяющих некую территорию, уже возник русский народ, сознающий свое духовное и политическое единство перед лицом внешних угроз. Окончание Смуты ознаменовалось явственным выражением этого единства в виде народного ополчения Минина и Пожарского, очистившего Москву и Русь от интервентов, и последующего Земского собора, присягнувшего на верность избранному царю. В избрании Михаила Романова на царство было явлено небывалое доселе единство народной воли и государственного самоопределения.

Испытание на прочность, пережитое русской цивилизацией в период Смутного времени, было связано, прежде всего с внешним давлением и было спровоцировано тогдашней политической обстановкой. Однако российская государственность и «русская идеология» в своем дальнейшем историческом развитии прошли и через целый ряд собственных внутренних кризисов.

Первым таким существенным кризисом явился уже упомянутый выше старообрядческий раскол. Парадоксальным образом именно теория Москвы – Третьего Рима вдохновляла в нем обе конфликтующие стороны. Противники церковной реформы патриарха Никона стояли на том, что всюду в мире христианская вера уже безвозвратно испорчена, и только Московская Русь, – Третий и последний «Рим», – является хранительницей неповрежденной истины. Реформа не принималась ими потому, что книги и обряды были исправлены реформаторами по «греческим» образцам (греческими по языку были практически все православные церкви, кроме русской). Однако и реформа, проведенная патриархом Никоном, вдохновлялась мечтой о вселенском значении Москвы как Третьего Рима и Нового Иерусалима. Именно для явственного выражения мысли о центральном положении Москвы в христианском мире Никон стремился достичь единообразия в богослужебных текстах и обрядах. Исходная идея у сторонников и противников реформы была одна и та же, но выводы делались диаметрально противоположные. Москва есть Третий Рим, единственный хранитель неповрежденной Истины, а потому надо отгородиться от любого внешнего влияния и дорожить каждой мелочью своих старинных преданий, – так рассуждали «ревнители древлего благочестия». Москва есть Третий Рим, в котором сошлись все христианские царства и который должен жить не для себя только, а для всего мира, а потому нужно собрать во едино под покровительством русского государя и русского патриарха все мировое православие, реализовать в видимых формах всемирно-историческое духовное значение Московской Руси, – такой была логика патриарха Никона.

Значение раскола для русской культуры весьма неоднозначно. С одной стороны, он представляет собой несомненную трагедию, по существу – гражданскую войну, в которой расколотое общество терзало само себя. В раскол ушли люди, для которых вера и народные традиции не были пустым звуком, мировоззрение которых ярко выражало и утверждало русскую культурную самобытность, а кроме того, это были люди, готовые отстаивать эти свои убеждения до конца, пойти за них на лишения и даже на смерть. По мнению А.И. Солженицына, начало всем болезненным неправильностям русской истории было положено именно церковным расколом XVII-го века, который «наиболее русскую» часть русского общества поставил вне закона. В такой позиции присутствует определенная романтизация старообрядчества, однако есть в ней, конечно, и своя правда.

Но с другой стороны, как уже было отмечено выше, официальная церковная власть, осуществившая реформу, действовала тоже в логике «русской идеологии», которая предполагает универсализм, идею всемирно-исторического призвания России, «всечеловечность», по выражению Ф.М. Достоевского. В раскол ушла наиболее консервативная часть русского общества, – консервативного как в позитивном, так и в негативном смысле. Негативный смысл старообрядческого консерватизма можно определить как *недоверие к мысли и к творчеству*. Поэтому, оценивая ду-

ховно-историческое значение старообрядческого раскола, нельзя не сказать, что, будучи очень болезненным, трагическим явлением русской истории, он высвободил творческие силы русского народа, открыл возможность живого творческого развития русской культуры. Прежде всего, следствием раскола стала возможность формирования *светской* культуры, однако свобода мысли и свобода творчества, открытость внешнему миру были возвращены в какой-то мере также и церковной культуре. Обретение такой свободы есть факт, безусловно, положительный, плохо только то, что произошло это обретение через трагический перелом естественного хода развития, плохо, что этот перелом потребовался. Трудно сказать, могли ли переход от Московской Руси к Российской империи совершиться с меньшими потрясениями, с меньшими потерями, – он совершился так, как совершился, став частью истории российской государственности и «русской идеологии».

Перелом, начатый церковной реформой, был продолжен реформами Петра I. Личности и события такого масштаба не поддаются однозначной оценке, а потому необходимо снова, – как и в случае с расколом, – выделить две стороны в идеологии петровских реформ. Как и в предыдущем случае, они не противоречат друг другу, но фиксируют противоположные по направлению тенденции.

Во-первых, нельзя не видеть, что реформы Петра носили антирусский характер, как по целям, так и по методам. Целью Петра было покончить с русской стариной и сделать из России европейскую державу. Методы, которыми он проводил в жизнь свои замыслы, были намеренно радикальными, разрушающими, они были нацелены не на модернизацию, а на революцию, не на то, чтобы внести в существующий уклад жизни нечто новое и придать ему динамику, на то, чтобы его отменить и заменить принципиально иными формами общественного бытия.

Во-вторых, очевидно и другое: Петр I действовал не просто *в интересах* России, он действовал и *в духе* России, – та идея России, которая вдохновляла и вела его, была вовсе не западного, а чисто русского происхождения. Это была своеобразная модификация теории о Москве как Третьем Риме, а сформулировать эту идею можно так: Санкт-Петербург – столица Европы, то есть центр цивилизованного культурного мира.

Почему восточная граница Европы проходит по Уралу? – Вопрос не только неожиданный, – мало кому он приходит в голову, но и странный, – не так-то просто на него ответить. Какая-то предельная условность очевидно присутствует в таком разделении: ведь если Кострома, Рязань, Воронеж, Казань, Уфа – европейские города, то почему Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск – азиатские?

В отличие от других материков на территории Евразии расположены две части света, из названий которых и образовано имя материка. Юго-западная граница Азии была достаточно четко определена еще в античные времена, и остается до сих пор бесспорным фактом. Граница проходит по Эгейскому морю, Дарданеллам, Мраморному морю, Босфору и Черному

морю. Но далее, начиная с Кавказа и заканчивая Новой Землей, на всем своем огромном протяжении граница Европы и Азии представляет собой проблему.

С XIX-VII вв. (до нашей эры) по настоящее время граница Европы и Азии несколько раз перемещалась с запада на восток. Древние греки проводили ее приблизительно в центральной части Средиземного моря. Позже границей стали считать Керченский пролив и р. Дон (524-457 гг. до н.э.). Много веков подряд граница Европы и Азии проводилась по реке Дон (Клавдий Птолемей и др.). Большой научный авторитет Птолемея явился причиной того, что это представление прочно утвердилось в науке в течение средних веков и оставалось незыблемым до XVIII века.

В 1720 году В.Н. Татищев впервые высказал мысль, что граница между Европой и Азией проходит по Уральскому хребту. Помимо геологических и географических соображений, в этом просматривается и важный геополитический смысл, и утверждая его, В.Н. Татищев, верный сподвижник Петра, следовал, конечно, воле монаршей. Если Европа простирается не до Дона, а до Урала, то географическим центром ее является Санкт-Петербург, тогда основной массив Европы принадлежит России, тогда европейские страны – это только западная *окраина* Европы, а Россия соединяет в себе Европу с Азией, будучи евразийской сверхдержавой. Такой должна была стать Россия, по замыслу Петра.

Впрочем, идея евразийства, конечно, не высказывалась Петром, его усилия концентрировались на европейском направлении, однако повторим еще раз: речь шла не о том, чтобы поставить Россию «в ряд» европейских государств, а о том, чтобы возглавить европейскую цивилизацию. И нельзя сказать, чтобы этот цивилизационный проект Петра I совсем не удался. Санкт-Петербург, несомненно, самый европейский город, Россия со времен Петра уже триста лет играет одну из первых ролей в европейской и мировой политике, русская культура ничем не уступает европейской. Более того, по прошествии XX-го века можно с уверенностью сказать, что нам *нечему учиться* у Европы.

Это, конечно, не означает, что мы научились жить так же, как европейцы, или что нам не нужны культурные, политические, экономические и иные отношения с Европой. Речь о другом: все, что знает и чем владеет в культурном отношении Европа, Россия тоже знает и имеет. Догонять и перегонять нам некого. Россия имеет даже и такое культурное достояние и такой исторический опыт, которого не имеет Европа. Русские понять Европу могут, они ее поняли еще в XIX-ом веке и понимают несколько не хуже, чем сами европейцы понимают себя. А вот европейцы Россию понять не могли никогда, не понимают ее и поныне. Один этот факт ясно говорит в пользу высказанной выше мысли: у Европы нам учиться нечему, культурное содержание российской цивилизации шире и глубже, чем содержание цивилизации европейской.

Противоположная точка зрения о цивилизационной отсталости России основана на недоразумении, граничащей с нелепостью: мы живем не

так, как живут в Европе, значит мы отстали. То, что европейское устройство жизни имеет свои приятные стороны и может в ряде случаев послужить примером для обустройства жизни в России, – это несомненно. Но означает ли это, что Европа способна открыть нам нечто доселе нам неизвестное? Означает ли это, что Европа имеет какое-то нам еще не вполне доступное и хоть в чем-то более глубокое понимание жизни, мира, общества, человека, истории? – Нет, если уж кто кому и может открыть неизвестные мировоззренческие горизонты, то Россия – Европе, да и остальному миру.

Итак, отчасти проект Петра Великого можно считать осуществленным. Но в то же время в каком-то смысле этот проект, конечно, не удался и был изначально обречен на неудачу. Россия так и не стала, да и не могла стать европейской державой. Действительно, на географических картах граница Европы и Азии традиционно пролегает по Уральским горам, по Уралу-реке и, странно изгибаясь, уходит к проливам Босфор и Дарданеллы, но, несмотря на эти географические условности, Восточной Европой во всем мире называют вовсе не Поволжье с Башкирией, а западных соседей России, да и Центральная Европа – это вовсе не Брянщина со Смоленщиной. И хотя существует «Европейская часть России», но всем понятно, что «настоящая Европа» находится за пределами России. Впрочем, Россия, конечно, и не Азия. Перечисленные выше в качестве примера города – Кострома, Рязань, Воронеж, Казань, Уфа, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск – не являются ни европейскими, ни азиатскими, это все – русские города.

Главное идеологическое отличие России от Европы состоит в том, что Европа сформировалась как объединение независимых феодальных образований. Принцип «вассал моего вассала – не мой вассал» означал, что каждый феодал, – даже рыцарь, имеющий в своей собственности только пару деревень, – подчиняясь своему сеньору лично, был абсолютным властью над собственной землей и собственными людьми. В распоряжении своей деревенькой бедный рыцарь был сувереном, на действия которого жаловаться некуда. Это сформировало, во-первых, сильные требования к личной чести феодала, поскольку эта рыцарская честь была единственным возможным ограничителем произвола, – чтобы не замарать свою честь, не уронить свое имя перед благородными людьми феодал должен был воздерживаться от некоторых поступков. А во-вторых, такое происхождение государственности определило европейский мир как совокупность суверенных политических образований, тяготеющих к объединению, но сохраняющих в качестве неизменного приоритета ориентацию на обеспечение собственных частных интересов. Примеров всеевропейского единства на основе сверхнациональной идеи в истории очень не много, а точнее – один: Крестовые походы. Это, действительно, было движение, охватившее всю Европу и имевшее наднациональную духовную мотивацию. «Священная Римская империя германской нации» или нынешний «Европейский союз» вряд ли могут рассматриваться как примеры такого движения.

Русская политическая традиция имеет истоком власть обычая, это роднит ее с Востоком. Полномочия любого властвующего лица – от сельского старейшины до Великого князя – обеспечивались согласием с народным обычаем, наделение властью каких бы то ни было лиц осуществлялось именно для обеспечения жизни по обычаю. Даже в период так называемой «феодальной раздробленности» Русь не напоминала феодальную Европу. Прежде всего, на заре этой раздробленности ясно сознавалась и четко проводилась на практике та мысль, что правит на Руси *род* князя Владимира (или, для исторической внушительности, – род Рюрика). Члены этого рода рассаживались на княжеских престолах в соответствии со своим рангом в родовой иерархии и рангом княжеских городов. Смерть какого-то члена рода приводила к пересаживанию из города в город всей нижестоящей цепочки. Но даже и после закрепления княжеских городов в наследственное достояние отдельных «ветвей» великокняжеского рода власть князя рассматривалась как персонифицированная власть народного обычая. Опора на обычай, во-первых, обеспечивала духовно-правовое единство формирующегося русского народа, единство правового сознания всех региональных и этнических групп, всех слоев и сословий русского общества, а во-вторых, учитывала местные особенности жизни различных племен. Именно эта русская традиция власти по обычаю позволила русскому народу глубоко воспринять и самобытно развить идею империи и выйти к реализации своего всемирно-исторического призвания.

Начиная с петровских реформ, Россия развивалась под знаком имперской идеи. Первые подходы к ее выражению можно видеть и в предшествующих периодах русской истории – в той же теории Москвы – Третьего Рима. Речь ведь в ней шла именно об империях – о первом Риме, то есть древней, еще языческой империи, охватывающей практически весь тогдашний мир, ставшей основой для распространения христианства, о Втором Риме, то есть новой христианской империи, своим величием затмившей Древний Рим, и о Риме Третьем, а стало быть, – об имперском значении Московской государственности. Идея империи – это идея собирания разных народов под единой наднациональной государственной властью, опирающейся на духовное единство людей и символизирующей это духовное единство. Имперская идея предполагает выход за рамки национальной, этнической и культурной ограниченности, открытость к сосуществованию различных культур, творческое их взаимообогащение.

Российская империя начала собираться, конечно, еще до того, как Петр провозгласил себя императором. Собираение земель вокруг Москвы, учреждение сильной централизованной власти, привлечение европейских специалистов в Россию, покорение Казанского и Астраханского ханств, освоение Сибири и проникновение на Дальний Восток, – все эти события и процессы относятся к эпохе Московского царства. Однако именно эпоха Петра, его радикальные реформы реализовали идею империи и дали мощный импульс имперскому развитию России.

Стоит отметить и еще один важный момент в становлении политической составляющей «русской идеологии». В силу обстоятельств, а также подражая европейской идее абсолютизма, Петр I законодательно утвердил право монарха назначать себе *любого* преемника по своему выбору. Конкретные политические обстоятельства этого решения состояли в том, что прямой законный наследник престола Алексей вырос вне отцовского влияния, был противником проводимых реформ и, приняв участие в заговоре против отца, был Петром уничтожен. Его сын, внук Петра I, Петр Алексеевич-второй (которому и суждено было в 12-ти летнем возрасте стать на короткий срок императором Петром II) был слишком мал и требовал опеки. Петр I надеялся по своей воле избрать себе не просто преемника на престоле, но и продолжателя своих дел, но сделать этого он не успел. И весь XVIII-ый век, благодаря произволу в вопросе престолонаследия прошел в дворцовых переворотах временщиков и фаворитов. Нормальный порядок наследования престола был законодательно восстановлен императором Павлом в самом конце XVIII-го века, и этот закон представлял собою просто письменную скрупулезную фиксацию существовавших традиционно в русском народе понятий о наследовании власти от отца к сыну, а при отсутствии сына – к младшему брату, а если он умер – к его сыну и так далее по нисходящей, причем в ряде случаев престол могли наследовать и лица женского пола. Благодаря этим обычаям наследования на протяжении веков древней русской истории никаких вопросов относительно законности того или иного правления не возникало. Не всегда переход власти соответствовал этим обычаям, но на их основании народное сознание всегда отдавало отчет о законности или незаконности перехода власти. Борьба за власть, разумеется, присутствовала в политической жизни Древней Руси, но она никогда не рассматривалась нравственным сознанием любых слоев русского народа, как нечто нормальное. Традиция законного преемственного наследования верховной власти может рассматриваться как одно из фундаментальных положений исторически сформированной «русской идеологии».

Еще одним радикальным шагом Петра I, имевшим самые тяжелые последствия в русской истории, стала проведенная им церковная реформа, в результате которой было упразднено патриаршее управление русской Церковью, и учрежден Святейший Синод, возглавляемый чиновником, обер-прокурором. Церковь была, таким образом, лишена внешней самостоятельности и поставлена в положение государственного министерства. Объявить себя главой Церкви Петр I не решился, хотя очевидно, что именно такая – английская – модель церковно-государственных отношений ему наиболее импонировала. Это «упущение» исправил уже упомянутый император Павел, и на протяжении всего XIX-го века и вплоть до Февральской революции российские самодержцы имели титул главы Российской Церкви. Взаимоотношения Церкви и государства по времена Российской империи представляют собой тяжелый урок как для той, так и для другой стороны этих отношений.

В православной Церкви никогда не были сильно выражены стремления к обретению светской власти, столь свойственные католичеству. В то же время стремление к *сотрудничеству* со светской властью проявлялось очень явно, эта традиция тесного сотрудничества с государственной властью была заложена еще Византией и получила богатое продолжение в русской истории. На протяжении всей этой истории Церковь имела и милости от властей, терпела и неприятности. За внешнее благополучие всегда приходилось расплачиваться несвободой. Пожалуй, «золотым веком» для нее было татаро-монгольское иго, во время которого она была максимально свободна в устройстве своей внутренней жизни, – именно по причине слабости и несамостоятельности княжеской власти в это время. После реформы Петра Церковь оказалась полностью подчинена государству, и опыт двухсот лет так называемого «синодального периода», на протяжении которого она была «государственной религией», должен рассматриваться ею как тяжелый урок о недопустимости такого статуса. Обретя внешнее величие и войдя в рамки официального протокола государственной жизни, Церковь сильно подорвала свои возможности духовного и нравственного влияния на государственную и общественную жизнь страны. Именно в качестве государственной религии она оказалась бессильной влиять на государство.

Свой тяжелый урок получило и российское государство: сделав православное христианство государственной идеологией, оно в результате подорвало свои духовно-нравственные основы. Попытавшись поставить Церковь себе на службу, оно лишилось опоры на ее духовный ресурс. Только независимые, свободные отношения с государственной властью могут обеспечить Церкви достойный социальный статус, духовно-нравственный авторитет в глазах общества, только таким путем Церковь способна реально быть консолидирующей общественной силой, и вследствие этого быть опорой для государства, – если, конечно, государство пожелает опереться на такую независимую от него силу. Зависимая Церковь быть опорой для государства не может.

XIX-ый век в истории России стал, с одной стороны, временем выдающихся успехов и достижений, а с другой – эпохой разрушения основ государственной и общественной жизни. Говоря об этом времени, принято называть его «золотым веком» России, и тому есть определенные основания: государственное могущество Российской империи, ее ведущая роль в европейской политике, мощное развитие русской культуры в самых разных формах – литература, музыка, живопись, театр, балет, наука, техника, общественные реформы. Россия, действительно, стала в XIX-ом веке геополитическим и культурным явлением мирового значения, став, как о том мечтал Петр I, не просто европейской державой, а одной из главных мировых сил, без участия которой не решался ни один сколько-нибудь значимый вопрос мировой политики. «Жандармом Европы» Россию называли не зря, и в этом названии звучит не только негативное, но и уважительное отношение: жандармов, конечно, никто особо не любит, но их уважают или

хотя бы бояться, и необходимость их присутствия и деятельности никем из мирных граждан не оспаривается. Помимо этой внешней значимости, Россия, казалось бы, преодолела на протяжении этого века многие свои внутренние проблемы и к концу его и к началу XX века встала на путь устойчивого развития, которое по темпам значительно опережало развитие других стран.

И все-таки закончилась эта эпоха грандиозной катастрофой революции и гражданской войны. Эту трагедию невозможно объяснить случайными причинами, нельзя ее объяснить также и факторами социального и экономического порядка. Рассказы советских учебников о невыносимой жизни в России явно страдают тенденциозностью, а кроме того, они относятся по большей части к далекому прошлому: описываются ужасы крепостничества, бесправие и нищета трудового народа, вражда против всего нового и прогрессивного, отсталость в культурном отношении. Для XVIII-го века такие упреки еще имеют определенную силу, однако для XIX-го века они уже являются по большей части грубым преувеличением и карикатурой, а уж для начала века XX-го – звучат просто клеветой. Достаточно сравнить экономические и социологические показатели России с показателями других цивилизованных стран, чтобы видеть, что никаких причин для социальных потрясений здесь найти нельзя. Не случайно после подавления революционных выступлений 1905-1907 годов и последовавших за этим реформ государственного управления будущий вождь большевистского переворота В.И. Ленин из России уехал и все свое внимание обратил на подготовку революций в европейских странах. Ситуацию в России он оценивал как безнадежную в смысле перспектив революционного движения. Ошибся он именно потому, что, в соответствии с марксистским учением, считал определяющим фактором жизни страны экономический базис и социально-политические условия. С этим в России все было в порядке. Не в порядке оказались духовно-нравственные и идеологические основания государственной и общественной жизни.

На протяжении всего XIX-го века происходила непрерывная работа по размыванию идеологических основ российской государственности. Начало этому процессу положило выступление декабристов. Руководители и члены тайных обществ были, несомненно, людьми честными и желали блага России, вот только – что такое Россия, они уже явно не понимали. По прошествии XVIII-го века образованная благородная часть русского общества оказалась резко оторванной от русских начал жизни, образовав отдельный мир со своей культурой. Наиболее сильное влияние на мировоззрение этого образованного общества и на формирование революционной дворянской идеологии оказало масонство. Это религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII-го века в Великобритании, ставило себе целью создать тайную всемирную организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе. Всемирную организацию им, конечно, создать не удалось, но разветвленная международная сеть масонских лож, связанных единой дисциплиной и

практикующих мистические обряды, стала очень значимым фактором европейской политической жизни. По своим истокам и по характеру своей деятельности масонство было антихристианским и антицерковным движением. Почитая Бога как «Великого Архитектора Вселенной», масоны допускали исповедание любой религии, однако высшей религиозной целью являлась для них власть над миром, этой цели они служили беззаветно и ради этой цели считали возможным и необходимым пожертвовать любыми другими интересами.

Интересы России всем революционным движением – начиная с масонства декабристов и вплоть до большевистской идеологии начала XX-го века – в расчет не принимались. Революционная идеология всегда вдохновлялась другими интересами, которые предполагалось реализовать *на территории* России: интересы масонства, интересы европейского просвещения, интересы социализма, либерализма и т.д., более того не только радикальные революционеры, но и более умеренные «передовые люди» России в XIX-ом веке оказались почти целиком под влиянием западных идеологий. Исключение из этого правила составляла группа мыслителей, которых принято именовать славянофилами. Это направление мысли сформировалось в 30-е и 40-е годы XIX-го века, его суть состоит в отстаивании права России на собственный исторический путь развития. Славянофилы были европейски образованными людьми и европейскую культуру знали из первых рук, они высоко оценивали ее значимость, но это не мешало им видеть и утверждать цивилизационную самобытность России. Основу этой самобытности составляют славянский национальный характер и православная вера. Русский народ сложился из множества племен и народностей, но основу его составили славянские племена. Русская культура прошла сложный путь развития, испытала множество влияний, но у истока этого развития стояла православная вера и эта вера была постоянным действующим фактором на протяжении всей истории России. Славянофилы основывали свое понимание истории на том, что определенную историческую самобытность имеет каждый народ, даже и в рамках европейской цивилизации, а Россия в культурно-историческом смысле вовсе стоит особняком от европейского пути развития. Это не мешает иметь тесные культурные контакты с Европой, но история у России своя.

В это же самое время, в начале 1830-х годов, государственная власть России предприняла попытку обосновать в противовес европейской революционной «заразе» свою собственную официальную идеологию русских начал общественной жизни. Эта попытка получила название идеологии «официальной народности», в ее основу были положены три понятия: «Православие, Самодержавие, Народность» (не без скрытого противопоставления революционному лозунгу «Свобода, Равенство, Братство»). Возникла уникальная по своим возможным созидательным перспективам и удивительно печальная по своему исходу ситуация, когда власть нуждалась в идеологическом обосновании, в защите национальных интересов на мировоззренческом уровне и даже сформулировала основные направления

такой идеологической работы, и в то же время были свободные мыслители, самостоятельно начавшие разработку этих самых основ национальной государственной идеологии, ведущие эту разработку на самом высоком теоретическом уровне, критически рассматривая последние высшие достижения западной мысли и обращаясь к глубинным смыслам русской истории. И вот в этой ситуации государственная власть не только не поддержала это направление мысли, но и, используя цензурные механизмы, поставила славянофилов в крайне стесненное положение. Власть порой легче переносила либеральную фразеологию в газетах и журналах «передового» направления, чем серьезные теоретические обоснования «русских начал», ею же указанных.

Такая странность объясняется, видимо, тем, что официальные идеологи желали иметь под своим полным контролем содержательное наполнение провозглашенной ими формулы, желали иметь исключительное право самим разъяснять, что же нужно понимать под словами *«православие, самодержавие, народность»*. Допустить, что эти понятия имеют свой собственный, исторический, независимый от их распоряжений смысл люди, власть на Руси предрекающие, не могли.

Да и в образованном русском обществе, несмотря на общее неприятие в нем революционно-демократических и социалистических идей, славянофилы должного понимания не встретили. Образованный мыслящий класс, впоследствии названный «интеллигенцией», давно уже утратил связь с русской историей, с русской верой, с русским народом, давно уже составил себе собственное, далекое от жизни представление о России и русском народе. Этот класс давно уже жил и мыслил вполне по-западному, — даже если и отвергал революционные крайности европейской истории. Этот класс по инерции говорил и о русском своеобразии, о том, что «мы не Франция какая-нибудь, чтобы революции делать», а также сокрушался, что «у нас не Европа, народ темен, где уж нам до их прогресса», но всерьез задуматься о том, что же это значит, что Россия — не Франция и вообще не Европа, он не хотел и не мог. В самих этих рассуждениях о России и Европе звучало признание того, что все русское своеобразие заключается в одной отсталости, но при этом догонять Европу хотелось бы без революций.

Итак, в XIX-ом веке «русская идеология» оказалась оттесненной на обочину русской общественной мысли. Наименование «славянофилов» было дано в качестве насмешливого прозвища в одной из журнальных статей, да так и прижилось. О России говорилось и писалось в это время очень много, но в понимании самой России возобладали, в конечном счете, западнические идеи. Зная с высоты своего исторического опыта, куда они привели Россию, следует повнимательнее присмотреться к тем мыслям, которые были развиты мыслителями противоположного, русского, направления.

Уже было сказано, что основой культурно-исторического своеобразия России славянофилы считали православную веру и славянский национальный характер. Разумеется, что и то, и другое — и православие, и сла-

вянство – берется в том отношении, в каком эти вещи важны для выстраивания общественного мировоззрения и государственной идеологии. Православная духовность, в отличие от западных христианских вероисповеданий, католичества и протестантизма, характеризовалось ими как идеал *соборного единства*, единства в свободе по закону любви (А.С. Хомяков). Соборность как характеристика православной духовной жизни противостоит, с одной стороны, жесткой иерархии и дисциплине, утверждаемой в католичестве, а с другой стороны, индивидуализму, который развит в протестантизме. Соборность – это единство, не отрицающее достоинства личности, а напротив, являющееся основой глубочайшего раскрытия личности. Соборность – это свобода, не противопоставляющая одного индивида другому, не разобщающая людей, а обретаемая в духовном единстве личностей.

Важной особенностью православных начал русской жизни славянофилы считали идеал святости, которым русский народ вдохновлялся на протяжении веков. В отличие от католических святых с их экстазами, видениями, экзальтацией и социальной активностью, православный идеал святости предполагает духовную трезвость, молитвенную сосредоточенность, душевный мир, «высоту смиренномудрия». В тесной связи с этим идеалом святости стоит идеал церковно-государственных отношений, выраженный в учении о «симфонии властей». Согласно этому учению светская и духовная власть должны быть независимы друг от друга и находиться при этом в «созвучии», согласии. Их согласие основано на том, что как «священство», так и «царство» призваны к служению Богу, а независимость их друг от друга является следствием того, что их служение имеет разную направленность: «царство» призвано устраивать земную жизнь людей, обеспечивать мир и порядок, а «священство» должно заниматься не земными делами, а спасением души, руководить людей к Небу. Вмешиваться в дела друг друга они не должны, но они взаимно друг друга поддерживают: государство заботится о благе Церкви, а Церковь молится за «власти и воинство» и воспитывает народ.

Значение славянского национального характера для понимания самобытности России и обоснования особого пути ее исторического развития, по мнению славянофилов, также велико. Прежде всего, речь идет об общинном укладе жизни народа, особом понимании свободы и отсутствии в самосознании народа государственных устремлений. Сельская община, несколько, впрочем, романтически воспринимаемая славянофилами, была для них социально-экономическим аналогом церковной соборности: земля находится в двойной собственности, одновременно и общинной, и частной, каждый год перераспределяясь между членами общины. В сельской общине усматривалось ими естественное начало коллективного самоуправления. Однако при этом русский народ чужд стремления властвовать и государственно организовывать свою жизнь – эту черту славянофилы также возводят к славянским корням. Еще древнегреческие историки описывали славянские племена как землепашцев, которые предпочитали не

воевать сами и платить кому-нибудь дань, чтобы эти наемные дружины обороняли их от врагов и обеспечивали порядок. Летописная легенда о призвании варягов, возможно, не вполне соответствует историческим фактам, но она достаточно точно и глубоко выражает существовавшее в народе понимание государственной власти и отношение к этой власти: придите и правьте, поскольку сами мы править не хотим, собирайте с нас дань, а за это охраняйте нас. Если военные дружины, которых пригласили для этой цели, начинали брать слишком много дани, их убивали и начинали платить дань другим.

Особенности русской государственности славянофилы выводили именно из этих черт славянского национального характера. Именно природный анархизм русского народа явился причиной того, что на Руси утвердились достаточно жесткие и крайне централизованные формы государственной власти. С одной стороны, этот анархизм требовал сильной власти для обеспечения порядка, а с другой – сама эта сильная централизованная власть нужна была для обеспечения желанной для народа свободы. Желанна для русского народа всегда была не столько внешняя социальная свобода, сколько свобода внутренняя, духовная, не столько государственные гарантии прав, сколько вольность, чувство открытости миру, неподотчетность внутренней жизни – свобода от внешних забот для духовного переживания. Прибавлять к житейским заботам, от которых все равно никуда не уйдешь, еще и заботы политические – это виделось русскому человеку излишней ношей, от которой он до последней возможности старался уклониться. Собственные-то житейские заботы он всегда старался свести к минимуму, благодаря чему приводил в удивление иностранцев контрастом между убогим бытом и жалким видом своих жилищ (даже в богатых домах обстановка была весьма аскетичной) и великолепием своих храмов, которые даже в маленьких селах имели, например, колокола, стоившие дороже самого села.

Свойственное русской душе понимание духовной свободы и отношение к политическим правам и свободам превосходно выразил А.С. Пушкин. В своем стихотворении он говорит о поэтической душе и о свободе поэта, но в том, как он раскрывает эти темы, проявляется именно исконно русское видение жизни, власти, свободы – русская система ценностей.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;

Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...³⁴

Русское самодержавие славянофилы рассматривали как «акт народного суверенитета», как наиболее органичную форму обеспечения народом независимости и самобытного уклада своей жизни. Таким образом, если взять за основу официальную идеологическую формулу «Православие, Самодержавие, Народность», то для славянофилов главными понятиями в ней были первое и последнее. Принцип самодержавной власти обосновывался свойствами православного духа и народного характера, он являлся одним из внешних выражений «особенной стати» российской цивилизации. Для официальных же государственных идеологов, провозгласивших эту формулу, именно самодержавие было ключевым, самодостаточным и, по сути, единственно понятным словом. Православие и народность мыслились при этом как внешний антураж русского самодержавия. При таком подходе официальная идеология оказалась бессильна противостоять либеральным и революционным идеям, отвергающим монархический принцип власти, оказалась бессильна ответить на вопрос, а почему, собственно, самодержавная власть представляет собой ценность, почему не отказаться от нее в пользу парламента, народного самоуправления, коммуны или даже просто анархии.

Трагические революционные события начала XX-го века стали следствием, во-первых, ослабления в народе (особенно в образованной его части) духовных основ русской цивилизации, а во-вторых, — идейной слабости российской власти, ее неспособности дать адекватный ответ на идеологические вызовы времени. Можно спорить о том, как могла бы развиваться ситуация, если бы она развивалась по-другому, и к чему бы это привело, но случилось то, что случилось, и в этой реальной истории России начала XX-го века, конечно, объективные факторы и неотвратимые тенденции переплелись со случайными обстоятельствами и ролью отдельных личностей. В наши задачи не может входить всесторонний анализ тогдашних событий, мы отметим только основные идеологические коллизии и уроки революции.

³⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977-1979. Т. 3: Стихотворения, 1827-1836. 1977. С. 336.

Первый революционный «приступ» 1905-го года выявил, с одной стороны, достаточную устойчивость государственной системы России – государство устояло, революция потерпела поражение, но с другой стороны, идеологическое банкротство этой системы, ее неспособность предложить обществу проект России, альтернативный революционному сценарию. Такого проекта, который бы опирался на исторические традиции российской государственности и при этом был бы открыт для творческого развития новых форм общественной жизни, который бы в новых исторических условиях выражал и реализовывал всемирно-историческое призвание России, российская власть не имела. Те реформы, которые были проведены в ходе революционных событий, были пассивной реакцией на происходящие события, инициатива принадлежала революционной стихии. Фактически эти принятые меры были уступками этим стихийным силам, за ними не стояло никакого плана действий. Власть не только не чувствовала нужды в нововведениях, но даже фактически не попыталась эти нововведения, сделанные под нажимом революции, обратить на государственную пользу. Деятельность П.А. Столыпина, который начал придавать, и не безуспешно, развитию России новый импульс, созидательно противодействуя революционным тенденциям, – эта деятельность была сначала свернута «сверху», а затем, уже «снизу»: самого Столыпина убили революционные террористы. Никому не угодил этот человек.

Следует отметить и такой важный момент. Закон «О веротерпимости» 1905-го года дал свободу всем вероисповеданиям России, за исключением одного: свободы не получило русское православие. Оно осталось целиком подчиненным в своей внешней деятельности государственной власти, была полностью сохранена синодальная система управления, император Николай II сохранил титул главы Церкви. Положение сохранилось прежним вплоть до Февральской революции 1917-го года. Таким образом, был упущен последний шанс государственной власти обрести в лице независимой Церкви духовную и нравственную опору для себя и консолидирующую силу для российского общества. Вопрос о восстановлении патриаршества, которое могло быть первым шагом на этом пути, обсуждался до тех пор, пока не стало слишком поздно, пока не рухнула вся старая система власти.

Российская государственность пережила достаточно тяжелые революционные годы 1905-1907, а рухнула практически на ровном месте, когда объективно ничто, казалось бы, не предвещало такой катастрофы. Ход первой мировой войны был не слишком благоприятен для России, однако были в ее истории военные ситуации и гораздо тяжелее, тем более, что к февралю 1917-го года в войне наступил перелом в пользу России и союзников. Экономическое положение в стране, воюющей третий год, не могло быть безоблачным, но оно было стабильным. Беспорядки в Петрограде, положившие начало революционным событиям, начались с того, что в магазинах не оказалось черного хлеба, – белый хлеб был, но он был чуть дороже. А эшелоны с мукой были на подходе к городу... Если бы этим лю-

дям рассказать, какой будет жизнь в Петрограде-Ленинграде спустя год, и два года, и пять лет, и десять лет, а особенно – что будет в этом городе через двадцать пять лет после этих событий, они бы, конечно, не поверили.

Государственная власть в России в 1917-ом году упала так легко и быстро, словно не было многих веков ее основательного и мощного существования. Фундаментальные причины этого были указаны выше: идеологическое банкротство властей и размывание традиционных основ жизни в образованном обществе. Именно это «образованное общество» в лице своего политического авангарда получило теперь власть в стране, образовав Временное правительство. Однако, получив власть, многолетние деятели Государственной Думы обнаружили свою полную неспособность заниматься реальным управлением, а самое главное – оказались еще большими идейными банкротами, чем царское правительство. Либеральному сознанию этих деятелей представлялось, что самое главное – устранить старую власть и дать гражданам свободу, а далее рисовались радужные картины народного самоуправления. Выяснилось, что практически все мыслимые свободы были уже даны царскими манифестами, а достигнутая свобода *от власти* нисколько не пробудила общество к созидательной деятельности, напротив, в атмосфере возникшего безвластия в стране практически вообще прекратилась всякая созидательная деятельность. Тот либеральный проект, который долгие годы вынашивался в «образованном обществе», оказался полностью нежизнеспособен. Либеральные деятели Государственной Думы, собственно говоря, даже не сумели взять власть в свои руки.

В результате октябрьского переворота власть взяли в свои руки большевики, установив в скором времени жесткую диктатуру. Идеологический проект большевистской партии не имел, конечно, ничего общего с историческими традициями российской цивилизации, он имел в основе вненациональную, антигосударственную, направленную против любых исторических и культурных традиций коммунистическую утопию. Однако русским народом этот проект был воспринят по-своему. Результатом преломления большевистских идей в народном сознании, а также приспособления этих идей к реальным условиям жизни страны явилась идеология советского государства.

Успех этой идеологии обеспечивался – помимо воли самих большевиков – ее созвучием с глубинными идеями, определяющими историческую самобытность и духовный потенциал России. Прежде всего, речь идет об идее всемирно-исторического призвания русского народа, а также об утверждении социальной правды, справедливости. Сказывались и чисто православные нравственные мотивы: недоверие к богатству, духовное достоинство бедности, жертвенность, обетование, что «будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30, 20:16, Мр. 10:31, Лк. 13:30), призыв «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Фесс. 3:10).

Идеи отмены государства, введения всеобщей трудовой повинности и уравнительного распределения вскоре сменились великим проектом построения «первого в мире государства трудящихся», указывающего путь в

светлое будущее всем народам Земли, основанного на трудовом энтузиазме масс и на социальной справедливости. Этот проект явно обращался к неким религиозным архетипам сознания народа, говоря о *спасении* от зла и несправедливости, о *новом мире*, где жизнь будет совсем не похожа на нашу, о *жертвенном служении* общему делу, о *братстве* людей, о *всеобщем счастье*, – то есть о «царстве Божьем», реализуемом прямо на земле и нашими руками. Коммунистическая идеология уже при своем зарождении имела такой псевдорелигиозный характер, а в России она накладывалась на мессианские настроения, свойственные национальному русскому характеру, и перерастала в горячий религиозный энтузиазм. Именно этот религиозный пафос советской идеологии был причиной жестоких гонений на Церковь, начавшихся сразу после взятия большевиками власти и продолжавшихся фактически до самого конца советского периода нашей истории.

С одной стороны, советская идеология вобрала в себя и по-своему использовала религиозные установки русского национального сознания, но с другой стороны, именно по этой причине Церковь, сформировавшая это русское национальное сознание, воспринималась большевиками не просто как один из элементов старой жизни, а как главный идеологический противник. Как это ни парадоксально прозвучит, «атеизм оказывается ... лишь одной из крайне изоциренных ересей в рамках христианской мысли»³⁵. Ни одна другая культура – ни исламская, ни буддийская, ни какая языческая – не порождает атеизма как активного противоборства с религиозным мировоззрением. При этом, объявляя своим врагом любую религию вообще, на практике атеизм борется прежде всего – и даже почти исключительно – с христианством. Свою энергию атеизм черпает именно из той христианской культуры, религиозные основы которой он стремится разрушить. Отсюда, конечно, следует, что атеизм всегда рубит тот сук, на котором сидит: его успехи всегда ведут к его вымиранию. На примере советской культуры все сказанное очень ясно видно.

Борьба с религией никогда не получала широкого распространения ни в исламских, ни в буддийских регионах Советского Союза, ни по отношению к языческим культурам населяющих его народов, – атеистическая пропаганда была направлена почти исключительно на христианство. Атеистический пафос был очень горяч в первой половине XX-го века, когда больше половины населения страны открыто называло себя верующими (по данным всесоюзной переписи населения 1937-1938 годов, которые в этой части опубликованы не были). По мере успехов атеистической пропаганды и расцерковления основной массы населения энергия атеизма сошла практически на нет. И – самый интересный момент – когда после снятия коммунистического идеологического прессинга в стране воцарилась мировоззренческая свобода, то на почве полного религиозного одичания людей Россию заполонили самые примитивные и низменные формы религиозности: гороскопы, гадания, магия черная и белая, магия вуду и бабкины заго-

³⁵ Кураев А. Догмат и ересь в христианском предании // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 36.

воры, сказки про филиппинскую медицину и инопланетян, невероятное количество импортных и замороженных сект. И вот в этой ситуации, когда нашему обществу угрожало чуть ли не «коллективное сумасшествие» от этого низкопробного религиозного мракобесия, возрождающийся атеизм направил свой разоблачительный пафос вовсе не на эту вакханалию варварских культов, а опять-таки на Русскую Православную Церковь, которая, получив, наконец, свободу, стала понемногу возвращаться к жизни. Атеистическая пропаганда гораздо более терпима к диким суевериям, оккультизму и сектантству, чем к православной церковной традиции, – таковы факты.

Проблема Российской империи и причина ее гибели заключалась в неспособности (часто и нежелании) власти и образованной части общества обеспечить себе опору на русскую культурно-историческую традицию. Будучи порождена «русской идеологией» и имея в ней исток своей силы, российская государственность утратила связь с духовными основами русской цивилизации. Проблема же Советского Союза и причина его крушения состояла в том, что он целенаправленно разрушал духовные основы русской цивилизации, декларировал это разрушение как свою идеологическую цель, будучи в то же время обязан всей своей мощью этим русским традициям веры, нравственности, государственности, патриотизма, жертвенного служения, соборного единства. Как только эти традиции удалось – даже еще не разрушить, но хотя бы – размыть, ослабить, советская идеология рухнула, лишившись опоры.

Идеологическое банкротство было причиной падения самодержавной царской власти, спустя семьдесят лет идеологическое банкротство советской власти стало причиной ее конца. Эта параллель, конечно, не может быть полной, но она вполне оправданна. Никто накануне революции 1917-го года и предположить не мог такого быстрого конца Российской империи, а после ее крушения очень многим пришлось пожалеть о происшедшем. Но тем не менее именно эти люди, не предполагавшие близкой катастрофы и пострадавшие от нее, уже задолго перед революцией не имели настоящего доверия к существующей власти и приветствовали нарастающий «ветер перемен». Точно так же буквально накануне событий 1991-го года все были уверены, что советской власти конца не предвидится. Точно также после обвального распада Советского Союза и советского строя очень многие люди осознали это как катастрофу и заболели ностальгией по советскому времени. Но и точно так же – эти самые люди, которым спустя всего несколько лет предстояло горько пожалеть о крушении советской власти, при самой этой власти в большинстве своем не имели к ней настоящего доверия, ругали плановую экономику, партократию, не верили советской пропаганде, рассказывали анекдоты про живых и мертвых вождей. Все это – как в начале XX-го века, так и в его конце – не столько вина этих людей, сколько вина и беда государственной власти, государственной идеологии, которая не смогла предложить обществу адекватный проект творческого развития российской цивилизационной модели.

Такой проект необходим для самого существования России. В основе ее исторического развития должно лежать определенное понимание своей миссии, та национальная идея, исходя из которой создается будущее. Об этом говорилось уже в начале главы, теперь же, в завершение ее мы попробуем свести воедино те исторические уроки, о которых говорилось в нашем кратком изложении идейной эволюции российской государственности, и сформулировать основные необходимые духовно-ценностные основания российского цивилизационного проекта применительно к современной геополитической ситуации.

Прежде всего, этот проект должен апеллировать не к «общечеловеческим» ценностям, которые являются продуктом окончательно выродившейся европейской цивилизации, а к традиционным историческим и национальным ценностям российской культуры. Запад, находившийся во времена Александра Невского в стадии своего цивилизационного расцвета, угрожал в то время «окатоличить» Русь, сегодня, находясь при смерти, он угрожает «заразить» Россию ядом своего разложения. Нельзя не видеть, что это хотя бы отчасти ему удастся.

Никаких «общечеловеческих» ценностей нет, как нет и «общечеловеческой» культуры и «общечеловеческой» истории. Человечество, несомненно, имеет некое глубинное единство, все люди на Земле, действительно, – братья, но корни этого братского единства настолько глубоки, что говорить о них можно только в чисто метафизическом смысле. А в своей социальной и исторической действительности люди живут в разных культурных мирах, по-своему создают себя и мир вокруг, народы проживают разные, непохожие друг на друга истории. Сам тот факт, что между ценностной системой какого-нибудь народа и «общечеловеческими» ценностями могут возникать коллизии, свидетельствует о том, что эти ценности – чужие для данной культуры, а следовательно, они *не общечеловеческие*. Единственный способ оказаться полезным всему человечеству и внести вклад в мировую историю и мировую культуру – быть верным себе, своему пониманию этого мира и своему уникальному способу выстраивания человеческой жизни в этом мире. Российская цивилизация имеет свое уникальное культурное достояние, она уже сыграла в европейской и мировой истории свою роль, на которую оказалась способна только она, и она способна еще сказать миру свое слово, которого не скажет за нее никто.

Иначе говоря, этот «проект себя» имеет определяющую значимость не только для собственной истории русского народа, он не может не предполагать также и признания особой роли России в мировой истории. Никакой мании величия в этом нет, а есть нормальное для субъекта мировой политики самосознание. Если Соединенные Штаты Америки исходят в своей идеологии из наличия у себя глобальных интересов и из своей исторической ответственности за судьбы демократии во всем мире, то в этом нет ничего удивительного и странного. Отсюда следует только одно: Россия может и более того обязана исходить из осознания собственных глобальных интересов и своей исторической ответственности за глобальную

реализацию своего собственного цивилизационного проекта. И это не означает вести себя *так же*, как Америка, это означает вести себя *по-другому*.

Искомый идеологический проект должен отвечать на вызовы современности, а это означает, что он должен указывать путь выхода из системного мирового кризиса. Основными факторами, обусловившими этот кризис, являются духовно-нравственный упадок европейской цивилизации, сформированная в развитых западных странах установка на непрерывной рост потребления, спекулятивность мировой финансовой системы, господство и агрессивное навязывание в мировой политике американских геополитических интересов. На эти факторы идеологического порядка накладываются, будучи в определенной мере их следствиями, и некоторые объективные процессы: экологический кризис, проблема исчерпания природных ресурсов, увеличение разрыва в уровне жизни богатых и бедных стран, усиление миграционных процессов, международный терроризм. Все это означает, что необходима некая новая модель мира, а Россия, опираясь на уникальное своеобразие своего исторического опыта, может и должна ее предложить. Навязывать эту модель Россия никому не будет, – это можно утверждать, исходя из того же ее исторического опыта, – но очень многое говорит за то, что эта модель может быть востребована современным миром.

По некоторым внешним культурно-историческим признакам сегодняшний мировой лидер, США, и Россия имеют много общего: обе страны сформировались через освоение новых территорий, обе страны вобрали в себя множество народов, соединив их общей национальной идеей. Однако существуют и принципиальные различия. В ходе освоения американского континента местное население было практически уничтожено, а американский народ сложился из переселенцев. При этом формирование американского народа происходило по принципу плавильного котла: национальные традиции перемешивались и сплавлялись в одно, американская культура готова принять и стать родным домом для человека любой культуры – при условии, конечно, что этот человек волеется в общий «плавильный котел» и примет американские стандарты жизни. Можно помнить, что предки твои были немцами, итальянцами или ирландцами, готовить и заказывать в ресторанах национальные кушанья, но быть надо при этом американцем. Политкорректность требует от человека не акцентировать внимания на имеющихся в обществе различиях, а толерантность требует от него не настаивать на своей идентичности – на двух этих «великих» принципах действует «плавильный котел» американской культуры.

Русский народ при освоении территорий народы не уничтожал и не ассимилировал, а включал в состав империи. Кое-кто в Россию переселялся, происходила миграция и внутри страны, но основу населения всегда составляли коренные жители местностей, сохранявшие определенные своеобразные подробности жизненного уклада, языковые особенности, фольклор, ремесла и другие культурные традиции. Россия была не «пла-

вильным котлом», а чем-то вроде мозаики или – да не покажется такое сравнение сентиментальным – букета, где каждый народ, диалект, культура, сословие, оставаясь собой, участвует в целостной картине, привнося свою краску. Впрочем, сравнение российской нации с букетом, конечно, хромает: народы России не просто живут рядом бок о бок, они представляют собой вполне определенное единство особого рода. Это единство имеет прямое родство с принципом соборности, предполагающим духовное свободное единство через общее служение общим целям, единство не уничтожающее индивидуальных различий, а напротив, открывающее для каждой личности возможность максимально раскрыться. Русская модель сосуществования культур, в отличие от американской политкорректности и толерантности, предполагает не только сохранение собственной идентичности, но и утверждение имеющихся социокультурных, ценностных и мировоззренческих различий, открытое именование их и при этом – уважение этих различий как на бытовом, так и на официальном уровне.

Как писал великий русский мыслитель И.А. Ильин, «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный “механизм” “областей”, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне»³⁶.

В последнее время много говорится о построении «многополярного мира», в противовес нынешней американской гегемонии. Представляется очевидным, что именно Россия может и должна возглавить построение этого многополярного мира, во-первых, поскольку она имеет реальный исторический опыт такого собирания народов в сложное единство, а во-вторых, поскольку кроме нее – никому. Антиглобалистские и антиамериканские настроения проявляются по всему миру и во многих западных странах; в качестве силы противоборствующей американизму и глобализму осознает себя ислам; Индия и Китай сохраняют свои многотысячелетние культурные традиции за внешним фасадом политических институтов западного образца, – то есть стремление опереться на самобытные культурные традиции в мире есть, и сами эти традиции есть. Однако консолидирующим центром сил, альтернативных глобальному американизму, ни одна из перечисленных культур, кроме России, стать не способна – по разным причинам. Западный протест против американизации жизни базируется на тех же мировоззренческих принципах, что и отвергаемый им глобализм, а потому вряд ли может быть успешен. Исламский антиамериканизм слишком агрессивен и негибок в декларации и навязывании не только

³⁶ Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин. Т. 2. Кн. I. М.: Русская книга, 1993. С. 326-327.

своих мировоззренческих принципов, но и внешних правил поведения. Юго-Восточная Азия напротив допускает слишком большой разрыв между внешними формами организации жизни и ее внутренним содержанием – вплоть до полного безразличия. Стать составной частью многополярного мира, внести в него свою краску все эти культуры могут, а вот возглавить построение многополярного мира – нет. Россия же имеет в своем основании уникальное сочетание глубокой самобытной духовной традиции и принципиальной открытости для восприятия иных культурных парадигм. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите»³⁷, – писал Достоевский об этой открытости, образующей важную черту «русской идеи».

Реализация проекта соборной многополярности предполагает формирование и укрепление единого культурного, экономического, политического и социального пространства жизни многих народов, культур и независимых государств на основе сохранения своей идентичности и уважения идентичности чужой. Такой строй жизни требует в первую очередь утверждения вполне определенных мировоззренческих приоритетов. Западной идеологии потребления необходимо противопоставить приоритет духовных целей и ценностей. Западная концепция прав человека, оправдывающая любые извращения принципом формальной свободы и формального равенства и обращающаяся таким образом на самоуничтожение человека, должна быть переосмыслена с духовно-нравственных позиций во имя утверждения истинного человеческого достоинства. Не посягая на мировоззренческую свободу человека, на свободу его совести, государство должно тем не менее сделать приоритетом своей образовательной и информационной политики воспитание духовной личности. Для решения этой задачи необходимо на уровне государственной пропаганды противодействовать материалистическим, потребительским, гедонистическим настроениям, прививать высокие понятия о смысле человеческой жизни, идеи патриотизма, нравственного достоинства, этику служения.

Российская цивилизация должна собрать в себе и вокруг себя всех, кто пожелает участвовать в этом сложном многоцветном единстве на основе взаимного уважения различий и культурного созидания. Российская цивилизация должна стать для мира примером и призывом в деле построения духовно ориентированной культуры, формирования духовно обоснованных критериев качества жизни. Материалистическая культура Запада пришла к своему полному вырождению, а потому масштабный геополитический и внутривнутриполитический российский цивилизационный проект необходим не для пустых амбиций и национального тщеславия, он необходим просто для того, чтобы Россия имела будущее и чтобы будущее было у мира.

³⁷ Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; предисл. А.В. Гулыги. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 187.

§ 2.2. Образ России в сознании Запада: исторические стереотипы

Говоря о России, очень любят цитировать слова русского поэта Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить». Однако многие иностранные наблюдатели пытались рационально объяснить особенности нашей страны и народов, живущих в ней.

Первоначально образ Руси создавали хронисты, которые встречались с немногими представителями этого государства, посещавшими Западную Европу. Позднее пришло время западноевропейских путешественников, посещавших Русь по торговым и дипломатическим делам и оставившим свои записки.

Устойчивое восприятие нашей страны стало формироваться на Западе вскоре после создания Древнерусского государства. В 839 году в Бертинских анналах было отмечено прибытие в Ингельгейм к франкскому императору посольства «от народа Рос», государство которого, возглавлявшееся «каганом Росов», располагалось где-то на пути из варяг в греки. Послы возвращались из Византии и просили пропустить их через территорию империи франков, так как прямой путь на родину им преграждали печенеги. Однако император, быстро выяснив, что послы являются шведами, т.е. теми же норманнами, перед набегами которых тогда трепетала вся Западная Европа, заподозрил в них лазутчиков и распорядился задержать³⁸. Таким образом, первые ассоциации, связанные с Русью, оказались у западноевропейцев негативными. В целом на Западе складывалось представление о Руси как об агрессивном и варварском народе.

При формировании европейского взгляда на Россию больше внимания уделялось тем чертам, которые отличали ее от Европы. А таких черт всегда было немало. Различие Европы и России осознавалось и подчеркивалось на Западе на протяжении веков. Зарубежные наблюдатели, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носителями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности. А от них, оставивших записки о своем путешествии на Русь, черпала сведения о России широкая общественность.

В рамках национальных историографий, вплоть до XVI века включительно, о других народах писали только в связи с историей своего собственного народа. Настоящий интерес к Руси в Европе возник только после падения Византии. В Москве, собиравшей вокруг себя восточнославянские земли, увидели потенциального союзника против растущей турецкой экспансии. Великий князь Иван III женился на проживавшей в Италии византийской принцессе Софье Палеолог, с которой приехало в Москов-

³⁸ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. С. 86.

скую Русь немало итальянцев и греков. В связи с Ливонской войной в Польше, Швеции и других европейских странах возник острый и устойчивый интерес к Московской Руси, впервые попытавшейся вмешаться в большую европейскую политику и получить обширный выход к Балтийскому морю. Польша с конца XVI века стала главным ретранслятором образов России на другие страны Западной Европы. Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России. Польские историки действительно привлекли внимание к истории русских земель, значительная часть которых оказалась в составе Речи Посполитой³⁹.

Рубеж XVI-XVII веков был тем переломным моментом, когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо порабожденной татарами страны «быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой»⁴⁰. По-настоящему же Европа познакомилась с Россией в эпоху Петра I, который в конце XVII века первым из российских самодержцев совершил большое европейское путешествие. В более или менее массовом количестве русские, представлявшие почти исключительно имущие классы населения, дворянство и крупное купечество, стали попадать в Европу уже при преемниках Петра.

В Англии Россию вплоть до XVIII века знали, главным образом, из трудов путешественников, а не историков. Поскольку в XVIII и первой половине XIX века Соединенное Королевство было самой развитой из западноевропейских стран в экономическом и политическом отношении, российское влияние на эту страну оказалось минимальным. Торговые контакты были ограниченными, а отдыхать русская знать предпочитала во Франции и Германии.

Россия, официально открытая Англией, показалась страной, относящейся в географических представлениях англичан к категории суровых и северных. Экспедиция Ричарда Ченслора, благодаря которой началась торговля с Московской Русью, предпринималась как крайне опасное путешествие к замерзающим морям. Его назначением было преодоление английского торгового кризиса за счет завоевания новых северных рынков. Записки Ченслора стали первым материалом для описания русских англичанами и, соответственно, для оформления базовых региональных мифов. Англичанин обратил внимание на русскую плутоватость: «Этот народ по природе склонен к обману, только сильное битие обуздывает его». Отметил он и специфику русского отдыха: «Думаю, что нигде не бывает большего пьянства». Ченслор писал о Руси как о стране огромной, несметно богатой продуктами, людьми, товарами, могущественной в военном и государственном отношении. При этом условия жизни характеризовались им как нищета, бесправие и рабство. В то же время московитов английский

³⁹ Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии (Специфика образов «пограничных» цивилизаций) // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 138.

⁴⁰ Леонтьева О.Б. Указ. соч. С. 133.

путешественник описывал как сильных, бесстрашных, но покорных власти. Нигде прежде он не видел такого контраста роскоши и нищеты⁴¹.

По результатам Петровских реформ Россия радикально изменила свой образ в глазах западной цивилизации. Блестящие военные победы, статус морской державы, бурный промышленный рост, реформа всех институтов власти. И это далеко не полный перечень преобразований, сформировавших в конечном счете образ Российской империи, государства, без которого в дальнейшем была уже немыслима мировая политика. С петровских времен резко возросло число иностранцев, посещавших Россию. Сотни и тысячи их оставались у нас на службе на длительное время. В европейских странах в то время бурно развивалось книгопечатание, быстро росла грамотность населения. Образ России распространялся на гораздо более широкие круги европейского населения⁴².

Стереотипной чертой образа России на Западе со времен французского писателя, путешественника А. де Кюстина, известного изданием своих записок о России, остается сочетание несочетаемого. С тех пор на Западе стало традиционным одновременно восхищаться Россией и бояться ее. Этот страх уменьшился после поражения Российской империи в Крымской войне, вновь возрос после того, как в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов русские войска приблизились к Константинополю, но ослаб после поражения России в войне с Японией. Тогда многие европейские публицисты увидели в России барьер против новой «желтой опасности», а австрийский поэт Рудольф Грейнциц написал песню о крейсере «Варяг», героически сражавшимся с «желтолицыми чертями»⁴³.

Позднее русофобия на Западе оказалась связана со стремлением к экспорту революции. Западные наблюдатели все более убеждались, что в России бескрайние просторы и природные богатства в виде пашен, лесов, имущества знати контрастируют с такой нищетой народа, которой не найти ни в Польше, ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции.

Поражало европейцев отсутствие у большинства русских имущества и гораздо меньшее, чем у европейцев, стремление сберечь собственную жизнь. Непредсказуемость, нестабильность, иррациональность, неспособность к самоконтролю, неумеренность во всем многими на Западе рассматриваются как наиболее характерные русские черты. Доброта и милосердие русских и те вызывают опасения. Ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». Немудрено, что идея необходимости контроля над Россией подобно тому, как каждой женщине необходим контроль со стороны мужчины, представляется Западу вполне разумной и естественной.

В периоды либеральных реформ российское общество (особенно в лице своей интеллектуальной и культурной элиты) и в целом Российское

⁴¹ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире: курс лекций. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. С. 54.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Там же. С. 80.

государство ощущали свою тесную связь с европейской культурой, с Западом. На Западе же «русофилы» рассматривали такие периоды как возвращение России на широкую дорогу европейского развития, с которой она часто сходилась. А вот западные «русофобы», напротив, органическим для развития России считали те периоды, когда в стране господствовали режимы, сходные с восточными деспотиями. Среди российской интеллигенции, равно как и среди политической и экономической элиты, всегда было сильно ощущение принадлежности к «цивилизованному миру», к развитым странам, которые отождествлялись с Западом. В годы либеральных реформ они верили, что Россия – это страна, которая вот-вот станет полноправной частью западной цивилизации. На Западе в такие периоды Россия воспринималась как страна, отставшая от ведущих стран Запада и теперь стремящаяся наверстать упущенное. В это время она обычно не рассматривалась в качестве угрозы западному миру⁴⁴.

Для большинства американцев Россия долгое время оставалась далекой и таинственной землей. Причиной являлись географическая отдаленность двух стран, разные исторические судьбы. Информация о России появлялась изредка – в связи с «Русской Америкой», позицией России во время Войны за независимость США и сочувственной поддержке американцев в годы Крымской кампании. Нередко проводились аналогии между отменой крепостного права в России и рабства в США, между трагическими судьбами американского президента Линкольна и российского императора Александра II. Зенит русско-американских отношений был отмечен продажей Аляски в 1867 году. Примерно с этого времени произошел своего рода «взрыв объема» информации о России⁴⁵.

Распространенной была характеристика состояния России как средневекового. Подчеркивалось, что мужик все еще является основой империи и составляет 80 % населения. Если для одних наблюдателей мужик – это «мрачный и неопрятный, с длинной бородой и в состоянии постоянного отупляющего пьянства», то для других на первое место выходили положительные характеристики – храбрый, трудолюбивый, терпеливый, с чувством собственного достоинства, готовый на самопожертвование и демократичный. «Несмотря на низкий интеллектуальный уровень, крестьяне руководствуются своими духовными и моральными принципами, которые зачастую более высокого порядка, чем теоретические доктрины. Будущее России, по мнению посетивших страну американцев, будет решаться не интеллектуалами или правительством, а многомиллионным крестьянством, сплоченным едиными интересами. Конечный успех реформы, начатой в 1861 году, будет зависеть не от царя и бюрократии, а от 150 миллионов крестьян»⁴⁶.

⁴⁴ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Указ. соч. С. 82.

⁴⁵ Шемякин Я.Г. Указ. соч. С. 140.

⁴⁶ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Указ. соч. С. 84.

В десятилетие, которое предшествовало событиям 1917 года, в США появилась целая серия книг, в которых авторы пытались интерпретировать «загадочную русскую душу». На отсталость России стали смотреть под углом зрения ее потенциальных возможностей и перспектив. Почти единодушно американские авторы уверяли своих читателей в ее великом будущем, в том, что «двадцатый век принадлежит России». Это молодая, быстро развивающаяся нация. Она представляет интерес для Америки, и будет нуждаться в американском капитале уже в самом ближайшем будущем. Русские, как никто в мире, обладают способностью приспосабливаться и адаптироваться к новым условиям. Эти качества и гарантировали им будущее могущество в развивающемся мире, но только при условии перехода к более прогрессивному типу правления и более тесных отношений с передовыми нациями.

Начавшаяся Первая мировая война внесла новые интонации в уже привычно звучащие публикации. Популярной стала тема «Святой Руси». В США вновь предпринимались попытки исследовать «русскую душу», ее неразгаданную тайну. Война рассматривалась авторами как фактор пробуждения России и начала серьезных демократических изменений в ее жизни. Конечно, рассуждения о «загадочной русской душе», о храбрости русских, презирающих смерть, можно объяснить политической конъюнктурой.

С приходом к власти в России большевиков в 1917 году началось противостояние двух общественно-политических систем – советской коммунистической и западной демократической (в советских терминах «капиталистической» или «буржуазно-демократической»). Довольно быстро сложился набор овеществленных стереотипов, связанных с образом СССР, и сохраняющихся вплоть до наших дней.

Фигура русского в английских анекдотах – это, как правило, космонавт, берущий с собой в полет водку и спички; борец-тяжеловес, которого можно победить лишь благодаря невероятному стечению обстоятельств; несчастный, не знающий, что такое говяжий стейк; богач, нечаянно оказавшийся владельцем британского национального достояния. Из этих образов к современности можно отнести только последний, тогда как первый и второй, несомненно, принадлежат еще советской эпохе.

Как известно, уровень благосостояния советских людей значительно уступал западноевропейскому, североамериканскому или японскому. Однако материальный достаток в сознании общества шел вторым планом по отношению к идеологическим ценностям. В сознании большинства людей образ СССР строился на таких общезначимых ценностях, как бесплатное жилье, образование, медицинское обслуживание, отсутствие безработицы. То, что на Западе в образе Советского Союза эти черты отнюдь не преобладали, подавалось советской пропагандой как доказательство того, что правящие круги Запада «нас не любят». На Западе же в эпоху НЭПа, который сами большевики рассматривали как временное тактическое отступ-

ление, всерьез надеялись на трансформацию СССР, сначала экономическую, а затем и политическую⁴⁷.

Советское руководство стремилось к конструированию положительного образа Советского Союза в зарубежном общественном мнении. Большие усилия предпринимались для привлечения и впечатляющего приема представителей зарубежных финансовых и предпринимательских кругов. Далеко не всегда эти затраты приводили к успеху, однако зачастую они давали плоды.

Интеллектуальная элита Запада, представители которой посещали СССР в рамках проводившихся здесь международных симпозиумов и конгрессов, автоматически попадала в пропагандистскую сферу «Интуриста». И соответственно мнение таких туристов служило своеобразным индикатором эффективности советской пропаганды на Запад.

Одной из основных причин «некритичного» взгляда на советский строй был глубокий духовный кризис, охвативший западную интеллигенцию в результате Великой депрессии. Разочарование культурной элиты Европы и Америки в ценностях собственного общества диктовало интенсивные поиски «счастья» за рубежом. При этом особо притягательными оказывались молодые государства, провозглашавшие цели построения общества справедливости и равенства.

В 1932-1933 годах в СССР существовала проблема голода, и Советское правительство предпринимало все меры для того, чтобы скрыть истинные размеры бедствия: советским гражданам было запрещено покидать пределы Москвы и ее пригородов. Тем не менее, информация из районов, охваченных голодом, регулярно поступала в пресс-корпус. О голоде писали лишь те зарубежные корреспонденты, которые навсегда покидали Советский Союз⁴⁸.

В 1941 году СССР превратился из друга и союзника Германии в смертельного врага, и теперь немецкая пропаганда опять сделала Советский Союз своей основной мишенью. После окончания Второй мировой войны образ Советского Союза на Западе снова стал изменяться. С одной стороны, СССР воспринимался как непредсказуемая угроза, а с другой – как интригующий эксперимент. Ухудшению образа способствовала не только поддержка Советским Союзом практически всех политических режимов, противостоявших западным представлениям о будущем мира, но и культивируемая в советском обществе атмосфера подозрительности к любому приезжавшему в страну иностранцу.

В методах конструирования позитивного образа СССР с советской стороны в послесталинское время произошли существенные изменения. Если Сталин и его соратники почти не покидали советские пределы, то сменивший его Никита Хрущев, а позднее Леонид Брежнев и Михаил Горбачев стали активно ездить по миру, неоднократно посещая и ведущие страны Запада. В целом это позитивно влияло на образ СССР, доказывая

⁴⁷ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Указ. соч. С. 91.

⁴⁸ Там же. С. 95.

западной общественности, что коммунистические лидеры вполне могут быть человечными в общении. Правда, порой экспансивность и грубость Хрущева, равно как и дряхлость Брежнева в последние годы его правления вызывали обратный эффект.

Однако в целом негативный образ СССР стал постепенно меняться к лучшему еще в начале 1960-х годов, когда после Карибского кризиса Хрущев предпринял первые попытки к разрядке международной напряженности. Затем Брежневу на протяжении целого десятилетия, с конца 1960-х по конец 1970-х, удалось проводить довольно эффективную политику «детанта» с Западом⁴⁹.

Наряду с традиционными средствами создания положительного имиджа в виде балета, оперы, фольклорных ансамблей вроде «Березки», в эпоху «оттепели» появились и новые средства. Настоящим прорывом в плане демонстрации открытости советского общества стало проведение Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 года. Впервые в советской истории десятки тысяч молодых людей из всех стран мира оказались за «железным занавесом». Они смогли подробно узнать жизнь советских людей благодаря общению с советскими сверстниками.

Большую роль в улучшении образа СССР сыграли успехи советской космонавтики: запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 году и первого человека в космос в 1961. На самом деле технологическое превосходство США ни тогда, ни в дальнейшем не было утрачено, а успех советской космической программы объяснялся тем, что она являлась придатком военного ракетостроения. А вот эта военная составляющая советской космической программы, отнюдь не скрывавшаяся Никитой Хрущевым во время его публичных выступлений (он, в частности, утверждал, будто баллистические ракеты в СССР производят так же легко, как сосиски на мясокомбинате), вызывала у публики на Западе не восхищение, а страх перед советским ракетно-ядерным ударом⁵⁰.

Главным результатом деятельности как советского пропагандистского аппарата, так и самого Хрущева стало изменение международного образа страны в глазах мирового общественного мнения. Стереотип восприятия Советского Союза как закрытого общества, сформировавшийся при Сталине, стал постепенно разрушаться. Процесс этот остался незавершенным, но его значение нельзя недооценивать. Публичное осуждение Хрущевым Сталина и его политики репрессий на XX съезде, заявление о приверженности принципам мирного сосуществования и политике разоружения воспринимались западной общественностью на ура. В Западной Европе и в Северной Америке широкие массы населения поверили, что опасность мировой термоядерной войны с приходом Хрущева значительно уменьшилась⁵¹.

⁴⁹ Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Указ. соч. С. 108.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 110.

Советская внешнеполитическая пропаганда при Хрущеве активно изучала и заимствовала опыт западных пропагандистских служб, прежде всего США. Для формирования положительного образа Хрущева на Западе были задействованы пресса, радио, телевидение. Формирование международного имиджа Хрущева было первым советским целевым пиар-проектом, целиком ориентированным на западную аудиторию. В нем использовались как успехи в реализации советской космической программы, так и провозглашенный Хрущевым курс на разоружение. Последний имел чисто пропагандистский характер, поскольку провозглашенная Хрущевым программа всеобщего разоружения не предусматривала никакой системы контроля. Однако на западное общественное мнение эта программа оказала благоприятное для СССР воздействие.

Пика популярности в мире имидж Хрущева достиг в конце 1959 – начале 1960 годов, после визитов в США и Францию. Благодаря усилиям Хрущева и его пропагандистов образ Советского Союза приобрел в глазах западного общественного мнения ряд положительных черт. Никита Сергеевич приобрел репутацию «миротворца», хотя никаких существенных соглашений с Западом тогда достичь не удалось. Вскоре последовали скандал с американским пилотом Пауэрсом, чей самолет-шпион U-2 был сбит под Свердловском, и Карибский кризис.

В период «оттепели» стали развиваться личные контакты россиян с представителями западного мира. Иностранный туризм и встречи иностранных граждан с советскими руководителями, хозяйственниками, деятелями науки и культуры стали важным каналом формирования позитивного образа СССР в мире. С другой стороны, гораздо больше советских граждан, по сравнению со сталинской эпохой, стали посещать зарубежные страны в составе делегаций или в качестве туристов. Все это рассматривалось западными экспертами как поворот к большей открытости советского общества. Эти наблюдения были одной из составляющих формирования позитивного образа страны в мире.

Советское вторжение в Афганистан в конце 1979 года, вылившееся в многолетнюю партизанскую войну, вновь привело к созданию устойчивого негативного образа Советского Союза и в мусульманских странах. Против СССР был введен ряд санкций, а ведущие западные державы и ряд мусульманских государств бойкотировали Московскую Олимпиаду 1980 года. Негативный стереотип восприятия СССР на Западе сохранялся вплоть до второй половины 1980-х годов. «Холодная война» достигла кульминации. Прежний страх перед советской ядерной мощью, приглушенный в годы разрядки, появился вновь. В марте 1983 г. президент США Рональд Рейган, выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов, назвал СССР «империей зла»⁵².

Образ «империи зла» тут же нашел свое подтверждение, когда 1 сентября 1983 г. советский истребитель сбил над Сахалином южнокорейский

⁵² Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Указ. соч. С. 114.

пассажирский лайнер «Боинг-747», и погибли все 269 человек, находившиеся на борту. США и ведущие западные державы ввели в связи с этим санкции против советской гражданской авиации. В западной прессе прошла мощная антисоветская кампания. Американский президент Рейган назвал происшествие «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто», «актом варварства и нечеловеческой жестокости».

Имидж Советского Союза упал до одной из самых низших отметок за всю историю, особенно на фоне продолжающейся афганской войны и отказа Кремля пойти на компромисс по поводу размещения в Европе ракет средней дальности.

После провозглашения Михаилом Горбачевым политики перестройки и нового мышления образ страны начал меняться, став максимально благоприятным за всю историю СССР. После первой встречи с Михаилом Горбачевым в 1986 году Рейган публично заявил о том, что больше не считает Советский Союз «империей зла». На Западе Горбачев до сих пор остается глубоко чтимым политиком. Он снял с Запада психологическое напряжение «холодной» войны, и Советский Союз перестал внушать страх. Таким образом, в 1985-1991 годах произошел радикальный перелом отношений между Западом и СССР, переход от образа врага, «империи зла» к образу партнера.

К середине 90-х годов криминализация российского бизнеса, возвышение российской исполнительной власти за счет законодательной и особенно судебной привели к тому, что на Западе возобладал негативный образ России. Его символом стала «русская мафия», к которой причисляли всех криминальных авторитетов из бывшего СССР, независимо от их настоящей национальной принадлежности.

Переломным стал 1995 год. Война в Чечне подняла волну официальной критики в адрес наших властей, а наплыв российских бандитов в Америку скомпрометировал россиян в глазах простых обывателей. Наконец, российский финансовый крах 1998 года окончательно смыл былой глянец с образа «страны, совершившей побег из тоталитаризма в демократию». Сыграло, в частности, свою роль и то, что в результате дефолта пострадали многие мелкие западные инвесторы.

Западная общественность с недоумением взирала на российских миллиардеров и миллионеров, приобретших свои состояния, по западным меркам, незаконным путем. Эти олигархи, предпочитающие жить по преимуществу на Западе, откровенно сорили деньгами, что вызывало растущее раздражение западной общественности и прессы.

В восприятии нынешней России фальсификация истории продолжает играть ключевую роль. Особенно, когда мировые СМИ обращаются к российским правителям. Общим мотивом при описании всех русских правителей является тирания, склонность к насилию, агрессивность и излишества. Взойдя на трон, они якобы получали безграничные возможности для дикта-

та собственной воли, не встречая никакого противодействия со стороны пассивного, забитого, запуганного общества и бездействующего закона.

Российская власть стала внимательно следить за реакцией Запада по поводу развития современной России. В июле 2004 года Владимир Путин на встрече с российскими послами заявил: «Против России проводится спланированная акция по дискредитации... Представления о России, существующие в странах вашего пребывания, часто далеки от реальности. Нередки и спланированные кампании по дискредитации страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса»⁵³. Отныне перед послами стоит задача по формированию позитивного образа России за рубежом, в создании благоприятных представлений о внутренней и международной политике России, ее истории и культуре. По словам Путина, имидж России надо улучшать, прежде всего, в странах СНГ, а также в США, Европе, Китае, Индии и Японии. Президент призвал разработать материалы о России для каждой страны, с учетом ее национально-культурных особенностей.

Российские власти склонны относить не слишком благоприятный образ России, складывающийся на Западе, на счет тех, кто его там профессионально создает. Значительная часть западной элиты разделяет антироссийские настроения не только вследствие существующих стереотипов и недостатка достоверной информации о России, но и вследствие восприятия России как страны, культурно и ментально чуждой Западу и проводящей антизападную политику.

Трудно ожидать, что восприятие России за рубежом может быть полностью объективным и беспристрастным. На протяжении многих веков Запад смотрел на Россию весьма предвзято. Причем эта предвзятость является следствием не только объективных трудностей понимания европейцами своеобразия российской цивилизации, но и продуктом сознательного культивирования русофобии. К этой стороне взаимоотношений России с внешним миром мы и обратимся подробнее в следующих параграфах.

§ 2.3. Образ России в западной пропаганде: история русофобии

Явление информационной войны не является чем-то новым для человечества, еще античные авторы в подробностях рассказывают об изощренных агитационных компаниях, при помощи которых политики древности пытались ослабить своих противников и деморализовать их.

Современная Россия – занимающая одну восьмую часть суши земного шара и обладающая второй по силе армией в мире – впутана в целый ряд информационных конфликтов с самыми разными странами. Главными

⁵³ Встреча Владимира Путина с послами и постоянными представителями РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 15:22. 01.07.2014. URL: <http://ria.ru/politics/20140701/1014282788.html>

нашими противниками при этом являются так называемые «страны Запада», из которых следует особо выделить США и Великобританию.

Антироссийская агитация состоит в попытке убедить как население «стран Запада», так и самих россиян в истинности ряда выгодных Западу идей. Некоторые из этих идей откровенно лживы и нелепы, другие представляют собой качественное искажение реальных фактов. Внедрение вражеских мемов⁵⁴ производится путем их многократного повторения через разные каналы подачи информации. В целом это явление получило название русофобия – предвзятое, подозрительное, враждебное отношение к России и русским, воздвигнутое в ранг мировоззрения, что является частным случаем ксенофобии.

Впервые термин «русофобия» как научное понятие ввел Ф.И. Тютчев (хотя до него об этом задумывался А.С. Пушкин). Именно он одним из первых в качестве альтернативы русофобии выдвинул идею православной империи, которая возникнет после всех катаклизмов, а также духовных, материальных и территориальных потерь, которые мы имеем сегодня.

К подобным идеям склонялись многие единомышленники Тютчева, великие деятели русской мысли А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, Н.П. Гиляров-Платонов, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев.

Известно, что долгое время Тютчев служил на дипломатическом поприще в Мюнхене, Генуе и Турине и вплотную мог наблюдать проявление русофобии как со стороны Запада, так и со стороны некоторых представителей русской знати и интеллигенции. Особенно она усилилась в канун и во время революций в Европе 1848-1849 гг. Все это им отображено в политических стихотворениях, статьях, в незавершенном трактате «Россия и Запад», а также в письмах.

Наиболее же яркие примеры русофобии со стороны Запада дал друг и единомышленник Тютчева – известный славист, публицист и общественный деятель славянофильского направления XIX века, В.И. Ламанский (1833-1916). В работе «Об историческом изучении греко-славянского мира» он отмечал проявление русофобии по отношению к славянским народам вообще и к России в частности. В связи с этим мыслитель приводит высказывание немецких ученых о русских. В одном немецком журнале, вышедшем в Австрии в начале XIX века, так описывают характер русского: «Характер русского общий всем славянам – недоверчив, обманчив, лукав, без малейшей привязанности, без религии, в высшей степени тупой и грубый, предан пьянству и разврату». Именно в этом видит Ламанский негативно-презрительное отношение «цивилизованных» немцев к русским в данном случае и к славянам в частности. Ученый также поддержал Тютчева в противодействии русофобии, а также в отстаивании идеи империи, видя в этом позитивный смысл.

⁵⁴ Мем – единица культурной информации, мемом может считаться любая идея, символ, манера или образ действия.

Большой вклад в исследование этого вопроса внес и Н.Я. Данилевский. Он впервые ввел в оборот понятие о культурно-исторических типах, которые существуют, развиваются и сменяют друг друга. Россию он считал молодым и развивающимся культурно-историческим типом, способным в будущем сменить германо-романский тип, который в данный момент начинает переживать стадию политического и культурного кризиса и время усиления цивилизационных процессов. И именно боязнь потерять все свое могущество и является, с точки зрения Данилевского, причиной боязни и недоверчивого отношения Запада к России, т.е. проявления русофобии.

К.Н. Леонтьев в своей публицистических статьях и в работе «Византизм и славянство» продолжил критику этого явления, и вместе с Ф.И. Тютчевым, В.И. Ламанским и Н.Я. Данилевским поддержал идею будущей империи в противовес русофобии. Но с другой стороны, мыслитель расширил границы будущей империи, включив в ее орбиту ряд мусульманских и буддийских народов.

Против проявления русофобии выступил в своих политических статьях и И.С. Аксаков. В журналах славянофильского направления он также критиковал различные проявления русофобии как со стороны отдельных русских, так и со стороны Запада. В связи с этим он впервые высветил славянский, польский и еврейские вопросы, проясняя причину русофобии в прошлом веке и во многом выявил проблемы для будущих их разрешений.

Каковы же причины ненависти к России?

Во-первых, русофобия есть результат конкуренции. Российский политолог и историк Юрий Пивоваров считает, что русофобия Запада обусловлена рядом причин, среди которых ведущую роль играют именно конкурентные соображения и традиционная центрально-европейская ксенофобия. Дмитрий Рогозин отмечал, что помимо опасений России как большого государства одной из причин европейской русофобии является нелюбовь европейских наций друг к другу.

Джюльетто Кьеза отмечал «искусно сохраняющиеся и искусственно поддерживаемые» русофобские настроения в европейских СМИ и связывал их с экономической и политической конкуренцией стран; князь Александр Трубецкой, внук Е.Н. Трубецкого, также отмечал организованный характер русофобии в странах дальнего зарубежья и в странах бывшего СССР.

Во-вторых, русофобия имеет в своем фундаменте извращенные либеральные и национально-освободительные идеи. Такая русофобия исходит из представления о России (сначала царской, затем коммунистической) как о силе, подавляющей и угнетающей всякие проявления свободы как внутри, так и вовне, а о русских – как об агентах этой силы (что было афористически выражено в известном определении России как «международного жандарма»). Это отношение зародилось во времена Священного союза, и его придерживалась значительная часть европейского общественного мнения, от монархиста Кюстина до социалистов Маркса, Энгельса и др.

Подобные представления актуализировались со всяким актом подавления Россией или СССР национально-освободительного движения (Венгрия, 1848 и 1956; Польша, 1831 и 1863; Чехословакия, 1968; подавление в СССР любых проявлений национализма малых народов; чеченский конфликт в 1990–2000-е гг.).

В-третьих, русофобия произрастает на культурно-идеологической почве. «Культурно-идеологической русофобией» назвал исторические корни неприязни западной интеллигенции к русским Юрий Кублановский, проиллюстрировав их цитатой из письма от 25 августа 1876 года Павла Анненкова Ивану Тургеневу:

«Нельзя быть либеральным человеком в Европе, не будучи врагом России. Либерализм и благорасположение к славянам – понятия несовместимые. Покуда так будет – Россия, хоть распинайся за цивилизацию и всеобщий мир, – она ничего другого не получит в ответ, кроме *merde*»⁵⁵.

Русофобия на культурно-бытовой почве возникла на Западе вследствие представления о своем культурном и экономическом превосходстве. Как правило, подобное отношение в западных странах (Германия, США, Великобритания) и некоторых восточноевропейских (Польша) основывается на представлении о русских как о «варварах» со слабо развитой материальной культурой и приверженностью к автократической власти, противопоставляемой демократическому управлению. С падением «железного занавеса» это мнение вновь актуализировалось как негативное отношение к русским и русскоязычным мигрантам (связанное с их вовлеченностью в определенные сферы криминальной деятельности – проституция, русская мафия).

В-четвертых, русофобия часто «скатывается» и на расовую почву. Представление о русских – и вообще славянах – как о «неполноценной расе» активно использовалось в нацистской пропаганде.

Отдельные документальные примеры русофобии можно отметить с начала XVI века. Пропаганду против Русского государства активно вели литовские и польские государственные деятели, историки и писатели, а также, впоследствии, иезуиты. Эта пропаганда возникла на почве соперничества за земли Руси, а также на почве конфессиональной борьбы католичества со «схизматическим» православием. Король Сигизмунд I, старавшийся предотвратить какие-либо политические альянсы Русского государства в Европе, убеждал западных монархов, что «московиты» – не христиане, а жестокие варвары, относящиеся к Азии и сговорившиеся с турками и татарами разрушить христианский мир.

«Вестник Российской Академии Наук» в историческом обзоре причины русофобии поляков объясняет следующим образом.

Отношения между Польшей и Россией значительно обострились в результате католической экспансии на православные восточнославянские земли, входившие в Речь Посполитую (Брестская уния 1596 г.), и особенно

⁵⁵ Кублановский Ю. Русофобия: миф или горькая реальность // Литературная газета. 2006. 12-18 апр.

вследствие польской интервенции в Смутное время (начало XVII в.). Именно противостояние России оказало значительное влияние на формирование польского национального самосознания. Утвердились стереотипные представления о превосходстве польской культуры, строившиеся на дихотомии «цивилизация – варварство» (последнее приписывалось России). Эти стереотипы оказались весьма живучими. В их свете Польша представляла как форпост Европы, противостоящий «варварской» России. Принадлежность к Европе оценивалась носителями польского самосознания выше этнической общности с другими славянскими народами, не говоря уже о русских, враждебное отношение к которым зачастую принимало форму откровенной русофобии.

В XVI веке русские попали, по словам современного датского слависта П.У. Меллера, в число «открываемых» западными европейцами стран и народов. Об их нравах и обычаях Западная Европа узнавала с любопытством, а зачастую и с ужасом. В записках посещавших Россию иностранцев часто можно встретить негативные отзывы о русских и России. Однако такие отрицательные характеристики вплоть до конца XVIII – начала XIX века не несли признаков системы. Также существует точка зрения, что русофобия как единая система взглядов начала формироваться значительно раньше, уже к XVI-XVII векам, но не проявляла себя явно по причине того, что западноевропейские государства, вступавшие в наиболее широкие контакты с Россией (например Австрия Габсбургов), видели в ней союзника по сдерживанию османской экспансии в Центральной Европе.

Символом русского зверства в Европе до сих пор считают Ивана Грозного, при котором было казнено 4-5 тысяч человек, скромно забывая при этом про устроенную современником Грозного, «цивилизованным» Карлом IX Варфоломеевскую ночь, за которую вырезали 30 тысяч гугенотов, а 200 тысяч человек вынудили эмигрировать.

В конце XVIII – первой половине XIX века происходит формирование русофобии как системы, обслуживающей враждебную политику той или иной державы по отношению к России. Возникнув первоначально во Франции, после падения в 1815 году наполеоновской империи, русофобия перекочевала в Англию, где в 1820-1840-е годы была сформирована наиболее полно.

Первым активным пропагандистом антирусских взглядов (что касалось как политики правительства, так и самих русских) в Англии был генерал сэр Роберт Уилсон, бывший во время войны 1812 года официальным наблюдателем при русской армии от Англии. Хотя Уильсон имел статус нонкомбатанта, он неоднократно участвовал в сражениях и заслужил русское дворянство от Александра I. Возвратившись в Англию он принялся активно развенчивать романтические представления о русских, которые тогда господствовали среди английского общества, видевшего в России союзника в борьбе с Наполеоном I: он обвинял русское командование в полной некомпетентности, которая позволила Наполеону со значительной частью его армии уйти из России и снова воссесть на престоле Франции,

солдат и население (особенно женщин) – в крайней жестокости к пленным, царизм – в вынашивании планов захвата Константинополя и Индии и установлении мирового господства. Осенью 1829 года вышла в свет книга, написанная полковником Джорджем Лейси Эвансом, которая развивала гипотезу о практической возможности захвата (или дестабилизации) русскими Британской Индии. Книга была принята благосклонно в обществе и особенно в правительственных сферах – после успехов русской армии против Турции летом 1829 года. С того же времени беспокойство в правящих кругах Британии стала вызывать экспансия России в Средней Азии, что также рассматривалось как потенциальная угроза торговой монополии англичан в Индии. Кроме того, стойкую неприязнь к современным ей русским монархам питала королева Виктория, что вкупе с дальнейшими успешными действиями русской армии против Османской империи привели к тому, что Англия прямо выступила на стороне Турции против России в Крымской войне (1853-1856); а в 1878 году предъявила России ультиматум.

В период между Венгерской революцией 1848-1849 годов и Крымской войной 1853-1856 годов русофобия в Англии достигла своего апогея и в той или иной степени охватила многие другие европейские государства. Историк А.И. Фурсов характеризует такую системную русофобию как «психоисторическое оружие», цель которого доказать, в том числе и самим русским, что их развитие не в полной мере соответствует западному типу, трактуемому как «норма», и таким образом поставить русских в проигрышное состояние психологической защиты. Доктор исторических наук Валентин Фалин в интервью каналу Россия высказал мнение, что «осью, вокруг которой вращались отношения между Россией и западным миром большую часть XIX века и в XVIII веке, была русофобия – никакого отношения она к коммунизму не имела», академик Александр Чубарьян также утверждал, что русофобия идет в странах Запада с середины XVIII века. Другие исследователи считают, что историю русофобии на уровне государственной политики и имеющих распространение общественных настроений можно проследить вполне отчетливо с 1840-х годов, по мнению сторонников второй версии, имперская антилиберальная и милитаристская политика Николая I после ряда военных успехов стала вызывать опасения и восприниматься некоторыми европейскими державами как угроза их интересам.

Уходит корнями в глубокое Средневековье также противостояние германцев и славян. Французские историки XIX века Э. Лависс и А. Рамбо называли его «вечной борьбой». Переселение немцев из центральной Германии в Восточную Европу началось к XII веку и продолжалось в том или ином виде до XX века. В публицистике и научных работах эта экспансия получила наименование «натиска на Восток». В нацистской Германии это явление приобрело особые формы. В соответствии с представлениями нацистов о приобретении жизненного пространства для германской расы предполагалось политическое и военное присоединение к рейху террито-

рий государств Восточной Европы с последующей ассимиляцией, депортацией или уничтожением местного населения. Подобные намерения отражены в немецких документах, объединенных общим названием «Генеральный план Ост». Русские с расовой точки зрения считались нацистами наименее германизируемым народом, и к 1942 году немецким антропологом Вольфгангом Абелем была разработана программа «прогрессивного уничтожения русской расы», согласно которой на оккупированных территориях часть русских (в северных районах) все же подлежала германизации, а остальные должны были быть выселены в Западную Сибирь. Термин «переселение» достаточно часто встречается в немецких документах и, по мнению ряда исследователей, относится к долгосрочным миграционным проектам (20-25 лет после предполагаемой победы в войне), хотя и не указывается, каким образом их собираются осуществить. Однако в других источниках отмечается характерная для нацистской Германии подмена словом «переселение» понятий «уничтожение» и «геноцид», что представляло собой, вероятно, не просто циничный эвфемизм, но и образ мышления. Во всяком случае, призыв «Русский должен умереть» раздавался в самых широких кругах гитлеровской Германии.

Встречающееся в современных радикальных течениях (как националистических, так и либеральных) мнение о том, что отношение нацистов к населению СССР определялось не расовыми критериями, а исключительно гражданством коммунистического государства не выдерживает критики, поскольку к гражданам СССР немецкого происхождения отношение было принципиально иным, хотя и отмечалось их несоответствие представлениям о «нации победителей».

Вот что писал, например, известный идеолог нацизма, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии Йозеф Геббельс: «Русские – это не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии»⁵⁶. А эксперт министерства оккупированных территорий Альфред Ветцель в своих «Замечаниях и предложениях по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС» констатирует: «Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве»⁵⁷.

Что касается Украины, русофобия стала определяющей чертой идеологии украинского национализма, сформированной в особых исторических условиях. Своеобразие их таково: основные постулаты идеологии украинского национализма сформировались не на общем (украинском), а региональном (галичанском) национальном массиве, политическая элита которого оказалась под влиянием и полным контролем западных спец-

⁵⁶ Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер / пер. с англ. А.Л. Уткина, А.В. Бушуева, И.С. Соколова; под общ. ред. Г.Ю. Пернавского. Смоленск: Русич, 1996. С. 451.

⁵⁷ Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 87-98. URL: http://web.archive.org/web/20050518151002/http://hronos.km.ru/dokum/194_dok/1942ostplus.html

служб (австрийских, польских, германских), готовивших экспансию против России.

Спецслужбы западных стран сумели подготовить в Галиции многочисленный отряд воинствующих националистов, поведение которых шокировало даже гетмана Павла Скоропадского. В «Спогадах» он писал: «Культура галичан из-за исторических причин слишком разнится от нашей... Среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле исповедания ненависти к России... Для них не важно, что Украина без Велико-россии задохнется, что ее промышленность никогда не разовьется, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины “быть каким-то прозябающим селянством”»⁵⁸.

Среди идеологов украинского национализма самой колоритной фигурой был и остается М.С. Грушевский (1864-1934). Русофобская заданность Михаила Грушевского проявилась уже в начале XX столетия. В мае 1909 г. по его предложению на заседании Галицкой Украинской партии председательствовал Кость Левицкий, действовавший по заданию австрийских спецслужб. Было принято решение об «организации по всей Галиции празднования в честь гетмана Мазепы» и издании «брошюр, разъясняющих значение выступления Мазепы в защиту угнетенных русским правительством казаков».

Завершили формирование русофобской устремленности у националистов гитлеровцы. Примечательно, когда гитлеровцы создавали дивизию СС «Галичина», то они считали, что «галичане и украинцы – две разные нации, и при этом галичане – это почти арийцы».

Степан Бандера, лидер Организации украинских националистов, писал: «Действующие вражеские силы нужно уничтожить доступными в данной ситуации способами и методами, соответственно с международными правилами, действующими во время войны. Генеральной задачей является убрать с территории Украины по возможности наибольшее количество враждебно настроенных москалей, чтобы не отвлекать большие силы на содержание пленных или интернированных в трудных условиях борьбы»⁵⁹.

По мнению эксперта Московского бюро по правам человека (МБПЧ) Семена Чарного, существуют так называемые низовая и элитная русофобии.

Низовая (массовая) русофобия – негативное отношение к русским, существующее в широких слоях населения.

Элитная (политическая) русофобия – антирусские действия властей некоторого государства или региона. Русофобия элитная не всегда сопрягается с русофобией низовой. Проявления негативного отношения к русским в массе населения могут пресекаться властями, не склонными к русофобии. В других случаях наоборот, антирусские риторика и действия

⁵⁸ Скоропадський П. Спогади. Київ-Філадельфія, 1995. С. 52-53.

⁵⁹ Бандера С. Перспективи української національно-визвольної революції (1958 г.) // Бандеровщина / сост. А. Андреев, С. Шумов. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. С. 287.

правлящей верхушки может соседствовать с преимущественно доброжелательным отношением к русским в народной среде. Наиболее опасным представляется одновременное проявление массовой и элитной русофобии. Один из критериев опасности этнических фобий – наличие влиятельных политических или общественных движений, находящих широкую поддержку среди населения и ставящих своей целью уничтожение или изгнание какого-либо народа (геноцид). По отношению к русским такие призывы раздавались в нацистской Германии («Русский должен умереть, чтобы жили мы»), так историк Владимир Родионов указывал на русофобию лидеров Третьего Рейха и ее глубокие исторические корни.

Рассмотрим основные проявления русофобии в современном мире.

США. Подавляющее большинство американских СМИ и представителей политического класса демонстрируют элементарное непонимание и нежелание понимать российские реалии. Постоянно муссируются темы якобы нарастающих тенденций к авторитарному правлению и империализму в отношении ближайших соседей, таких как Грузия и Украина, коррупции, продолжающейся нестабильности в Чечне и на всем Северном Кавказе, сотрудничества России с антизападными режимами. Все это способствует укреплению имиджа России как по меньшей мере не дружественной в отношении Америки. На этом фоне оказываются малозаметными факты улучшения жизни россиян, а главное, искажается сама траектория российского развития. Обществу внушается мысль, что страна движется в неверном направлении и что это связано с нежеланием следовать примеру Запада.

Нейл Кларк в «The Guardian» полагает, что американские и английские русофобы с политическими целями дискредитировали российскую власть, потому что независимая Россия мешает их мировой гегемонии.

Общеизвестный факт: первый американский министр обороны адмирал Джеймс Форрестол настолько боялся русских, что довел себя, согласно диагнозу, до «нервного и психического истощения», вследствие чего попал в соответствующее клиническое отделение и выбросился 22 мая 1949 года с 16-го этажа национального военно-морского медицинского центра с криком: «Русские идут!».

Страны Западной Европы. Германия и Австрия. Германия и Австрия имеют длительную традицию русофобии, которая на начальном этапе тесно переплеталась со славянофобией (особенно в Австрии). Анализируя ситуацию с русофобией в немецкоязычных странах в одном из выпусков «Русского журнала», Владимир Голышев приходит к выводу о том, что самым ярким источником русофобии в этих странах выступают в первую очередь немецкоязычные СМИ. Немецкое население само стало более восприимчиво к русофобским взглядам, исходящим из СМИ, из-за сохранения давних комплексов, связанных с поражением Германии во Второй мировой войне. При этом германские политики родом из бывшей ГДР (Меркель и Гаук) особенно склонны к публичному проявлению предвзятого отношения к современной России.

Финляндия. В 2006 году президент Финляндии Тарья Халонен объясняла русофобию финнов «двумя войнами между Финляндией и Россией в XX веке». В стенограмме заседания Государственной Думы от 01 ноября 2011 г. сохранился доклад депутата Селезнева Валерия Сергеевича, который сослался на мнение бывшего финского священника Юха Молари, утверждавшего, что «Русофобия в Финляндии – это широкая проблема, это доказывают многочисленные академические научные исследования. Две главные причины нелюбви к русским: политическая пропаганда, гласящая, что финны создавали свое государство именно против России, и зависть: Россия – богатая страна, там много ресурсов. Существует системная русофобия финской лютеранской церкви»⁶⁰. Сам Селезнев утверждал, что в Финляндии «существует специальный русофобский канал в финских СМИ, на котором постоянно говорится о России исключительно плохо, говорится, что в России аварии, радиация, убийства, матери похищают и убивают своих детей, населению внушается ненависть к русским, покупающим недвижимость в Финляндии. На этом фоне идут погромы, идут поджоги русской недвижимости, принадлежащей русским, и автомашин, ведется всяческое вытеснение и притеснение интересов русских»⁶¹.

Восточноевропейские страны.

В 2000 году президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что русофобия в странах Восточной Европы является результатом ошибок СССР в отношениях со странами социалистического лагеря, в частности силовых решений политических кризисов в ГДР (События 17 июня 1953 года в ГДР), Венгрии (Венгерское восстание 1956 года) и Чехословакии (Пражская весна 1968 года). Институт славяноведения РАН в научно-популярной статье на своем сайте высказывал опасения роста русофобских настроений в результате «американизации» восточноевропейских славян⁶².

Чехия. По мнению Оскара Крейчего, чешского политолога, профессора Университета Матея Бела в Банской-Быстрице (Словакия), главной причиной негативного отношения к России в Чехии является тот факт, что современная политическая и культурная элита страны относится к поколению, чьи политические представления сформировались под воздействием подавления «Пражской весны» 1968 года. Ввод войск СССР и других стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году (Операция «Дунай») вызвал значительное снижение числа сторонников левых взглядов и резкое падение симпатий к СССР среди чехов и словаков. У большинства людей этого поколения нынешняя Россия, несмотря на изменения, произошедшие со времен распада СССР, до сих пор воспринимается с опаской и недоверием. Однако после демонстрации на Красной площади

⁶⁰ Молари Ю. В Финляндии ненавидят русских все сильнее... [Электронный ресурс]. URL: <http://juhamolari.blogspot.ru/2011/04/peter-tv.html> (дата обращения: 9 января 2014 г.).

⁶¹ Стенограммы обсуждения законопроекта № 565119-5. Заседание № 259 // Государственная дума. Официальный сайт. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/565119-5>

⁶² Гуськова Е.Ю. Балканский кризис: последствия и уроки для славянского мира // Институт славяноведения Российской Академии наук. Официальный сайт. URL: <https://archive.is/20120802183511/www.inslav.ru/index.php>

25 августа 1968 года в ЧССР ходила поговорка: «Семеро русских на Красной Площади – по крайней мере, те семь причин, по которым мы никогда не сможем ненавидеть русских».

По мнению Иржи Машталки, депутата Европарламента (Коммунистическая Партия Богемии и Моравии, руководитель группы «Друзья России» в парламенте Чешской Республики), после «бархатной революции» 1989 года чешская политика стала характеризоваться стереотипными и искусственно вызванными страхами в отношении России. В частности, большинство правящей элиты и наиболее влиятельные СМИ отрицательно относятся ко всему, что связано с бывшим СССР, включая победу СССР над нацистской Германией – освободительная миссия Советской Армии представляется исключительно как путь в «социалистическое рабство». В общественных науках укрепились геополитические подходы, согласно которым решающий вклад СССР в победу имел целью исключительно продвижение имперских амбиций Москвы. Одновременно налицо глубокое разочарование левых сил Чехии, вызванное тем, что Россия фактически бросила своих бывших союзников на произвол судьбы, сделав их объектом преследования со стороны новых политических элит. По мнению Иржи Машталки, чешское общество фактически лишено контакта с современной русской культурой: в Чехии по преимуществу демонстрируются российские фильмы первой половины 1990-х годов. Сознательно взращивается негативное отношение к православию, которое выдается за «отсталое византийство, находящееся в прямом противоречии с просвещенным католицизмом и протестантством». В экономической сфере сотрудничество с Россией представляется «дорогой к социально-экономической отсталости, ориентацией на низкое качество и уровень жизни». При этом Иржи Машталка отмечает, что, как показывают результаты изучения общественного мнения в Чехии и Словакии, несмотря на попытки политиков и СМИ способствовать русофобским настроениям, лишь небольшая часть населения этих стран считает, что Россия представляет угрозу для мира⁶³.

Польша. Говоря о русофобии в Польше, необходимо, по-видимому, делать различие между русофобией как проявлением многовекового соперничества между Россией (Московским великим княжеством, Русским царством) и Польшей (Речью Посполитой), с одной стороны, и бытовой русофобией – с другой. К примеру, бывший президент Польши Войцех Ярузельский вспоминал, что русофобию прививали ему в семье с детства.

Русофобия польской правящей элиты подогревается историческими воспоминаниями о разделах Польши, политике русификации, подавлении национальных восстаний.

По мнению Олега Неменского, сотрудника Центра украинистики и белорусистики МГУ и научного сотрудника Института славяноведения РАН, образ России является центральным для польской культуры и этот

⁶³ Машталка И. Новой Европе пора по-новому взглянуть на Восток // Независимая газета. 2005. 25 авг. URL: http://www.ng.ru/ideas/2005-08-25/6_europe.html

образ является русофобским: Россия представляется как страна крайней дикости, жестокости, бескультурья и рабства, как враг и постоянный агрессор на польских землях, а русские – как прямая противоположность полякам во всем, кроме тяги к алкоголю. По мнению Неменского, русофобия является одной из главных черт польской политики и культуры. Как считает Неменский, после распада Варшавского блока и вхождения Польши в ЕС и НАТО русофобия в Польше стала значительно ярче, особенно в последние годы.

В новейшей истории также произошло немало событий, способствующих сохранению исторического отчуждения между польским и русским народами – Советско-польская война 1920 гг., отторжение Советским Союзом восточных территорий Польши в 1939 г., закрепленное ялтинско-потсдамскими соглашениями, депортации польского населения, Катынская трагедия, Варшавское восстание 1944 г., содействие СССР в установлении коммунистического режима в Польше и последующее включение Польши в советскую сферу влияния. В результате Второй мировой войны по национальной гордости польской нации был нанесен сокрушительный удар – поражение в войне с Германией, многолетняя оккупация, огромные людские, материальные и территориальные потери, а после всего этого – положение советского сателлита («союзника»). Под воздействием антикоммунистической, националистической пропаганды нынешнее польское общество значительную долю вины за это возлагает на современную Россию. Во многом это становится причиной своего рода «бытовой» русофобии.

Польский журналист Бронислав Лаговский отмечает, что русофобия в Польше доходит до «какого-то антироссийского помешательства». Так, в польских СМИ высказывалось мнение, что штурм бесланской школы во время захвата заложников в сентябре 2004 года, сопровождавшийся большим числом жертв, был провокацией Кремля. По словам Лаговского, сегодняшняя Польша сама себя отравляет чувством ненависти, предназначенным вроде как для врагов. Антироссийское воспитание, которому последние шестнадцать лет подвергаются поляки (главным образом, благодаря «Газете Выборчей», которой остальные СМИ подражают), принесло странный и неожиданный эффект: их психическая зависимость от России стала так глубока, как никогда раньше.

Польский публицист Ежи Урбан, говоря о антироссийской направленности в польских СМИ, писал в 2005 году: «Презрительное отношение поляков к русским, отношение барского превосходства проистекает из польского комплекса неполноценности и самым худшим образом говорит о польских элитах. Поляки завидуют Западу, потому что там более высокий жизненный уровень, и поэтому получают глупое удовольствие от того, что у населения России доходы в среднем ниже, чем у поляков. Когда бедный может презирать еще более бедного, это ему улучшает настроение»⁶⁴.

⁶⁴ Урбан Е. Презрительное отношение поляков к русским проистекает из польского комплекса неполноценности // ИноСМИ.ру. URL: <http://inosmi.ru/online/20050325/218360.html>

Постсоветские государства.

После распада СССР рост русофобии наблюдался во всех постсоветских государствах. В 2008 году журнал «Профиль» писал, что для многих на постсоветском пространстве комплекс русофобии «фактически стал основополагающим элементом новой государственности и болезненным подобием национальной идеи»⁶⁵.

Прибалтика. По мнению российского историка А. Барсенкова, русофобские настроения официальных властей прибалтийских государств выражаются, в частности, в создании языковых и законодательных барьеров для этнических русских, а также в ограничении доступа на рынок труда и права на получение высшего образования.

Литва. Бывший министр иностранных дел Литвы, ныне профессор Вильнюсского университета Повилас Гилис указывал на русофобию в Литве, которая в момент российско-грузинского конфликта дошла, по мнению бывшего чиновника, до истерии.

Широко известно ставшее знаменитым выражение министра (по поводу продажи нефтекомплекса «Мажейкю нафта») – «Не подпустим русского Ивана к трубе!». После постройки нефтепровода в обход Литвы выдвигается множество претензий в его «неэкологичности» и реализации посредством его «политического давления» (особенно в этом усердствует европарламентарий В. Ландсбергис). Позднее президент Литвы Д. Грибаускайте высказывала претензии соседней Польше за ее намерения «дружить с Россией».

Эстония. 7 марта 1996 года 63 из 101 депутата парламента Эстонии подписали обращение к президенту самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Джохару Дудаеву, в котором выражалось «глубокое сочувствие чеченскому народу» и Дудаеву «лично» в связи с «утратой командира» Салмана Радиева. В этом обращении заявлялось, что «чудовищное убийство выдающегося борца за свободу глубоко потрясло нас». За два месяца до этого обращения Радиев получил всемирную известность как организатор террористического нападения на дагестанский город Кизляр, в ходе которого были захвачены в заложники тысячи людей и несколько десятков убиты. 20 марта 1996 года Госдума России приняла постановление, в котором заявила, что обращение депутатов эстонского парламента является грубым вмешательством Эстонии во внутренние дела России и проявлением агрессивной русофобии, «ставшей стержневой линией эстонской внутренней и внешней политики»⁶⁶.

Латвия. 5 апреля 2000 года Госдума России приняла заявление «В связи с государственной политикой дискриминации российских сооте-

⁶⁵ Михеев С., Уралов С. На грани нервного срыва // Профиль. 2008. 29 сент. URL: <https://archive.is/20120911021758/www.profile.ru/items/?item=27133>

⁶⁶ Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Правительству Российской Федерации о вмешательстве парламента Эстонии во внутренние дела России и его поддержке политического терроризма»: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20 марта 1996 г. № 161-П ГД // Информ.-правовой портал «BestPravo». URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/er-pravo/h1n.htm>

чественников в Латвийской Республике», в котором, в частности, говорилось, что в Латвии последовательно утверждается русофобия, чему «всячески способствуют те силы, которые хотят видеть Россию униженной, слабой, раздробленной». При финансовой поддержке депутата ЕП от Латвии Гиртса Валдиса Кристовскиса был создан фильм «Советская история» (The Soviet Story)», который был многими расценен как пропагандирующий русофобию. Министр юстиции Латвии Гайдис Берзиньш предложил показывать фильм во всех латвийских школах.

Русофобия в современной Украине. Академик Валерий Тишков отмечал, что с начала 90-х годов на Украине под воздействием специфики образования и агитации «возникла почти всеобщая русофобия», причиной которой стало, в первую очередь, появившееся «геополитическое соперничество с Россией». Политолог Валерий Коровин утверждал, что украинская русофобия вошла в активную стадию при президентстве ориентированного на США Ющенко, что привело к победе крайних националистов и смене власти на Украине в 2014 году.

Некоторые русофобские особенности восприятия исторических событий на Украине:

Голодомор. В отчете, опубликованном на сайте Росархива о международной конференции «Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов», проходившей в Москве, отмечалось, что на Украине рубежа XX-XXI веков некоторыми политиками пропагандировалась не соответствующая исторической действительности тех лет и не подтвержденная документально концепция «голодомора как геноцида украинского народа», направленная «на разжигание межнациональной розни, прежде всего, русофобии и антисемитизма»⁶⁷.

Олег Тягнибок, народный депутат Украины, в предвыборном выступлении говорил: «Они не боялись, как и мы не должны бояться, они взяли автомат на шею и <...> боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидвою и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас нашу Украинскую державу... Надо отдать, наконец, Украину украинцам... Вы <...> есть та смесь, которой более всего боится москальско-жидовская мафия, которая руководит сегодня Украиной»⁶⁸.

Остается добавить, что Степан Бандера и Роман Шухевич, лидеры Организации украинских националистов, с 2004 года являются героями Украины.

Исследования, раскрывающие ситуацию в России с позитивных позиций, на Западе остаются редким исключением. Те институты «демократии», которые подпитывают финансовыми инъекциями деятельность по обработке общественного мнения, предпочтение отдают работам подрывного характера, деформирующим социально-политическую среду, таящим

⁶⁷ Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов: Международная конференция, г. Москва, 17 ноября 2008 г. // Архивы России. URL: <http://www.rusarchives.ru/evants/conferences/hunger-ussr-r.shtml>

⁶⁸ Русофобия // Викицитатник. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Русофобия#cite_note-11

в себе потенциальную угрозу единству общества и государства. Такие в пропагандистском книжном потоке встречаются часто, фальсифицируя историю, преподнося саму Россию источником нестабильности, наделяя ее признаками агрессора.

По мере усиления накала борьбы США и их союзников за мировое господство, передел зон «жизненных интересов» и рынков векторы русофобии не сужаются, а расширяются. Они охватывают все спектры политической, социально-экономической и культурной жизни России в целом, ее положение в мире, отношения с государствами Центральной Азии, участие в мирохозяйственных связях и построении международных отношений. Стараниями западных стратегов нового «мирового порядка», прежде всего США, открыто развязавших войны на Ближнем и Среднем Востоке, русофобия превратилась в орудие идеологической экспансии, раскола единства народов и государств. События на Украине подтвердили это.

§ 2.4. Методы информационной войны в арсенале современной геополитики

Современные средства массовой информации представляют собой мощный инструмент воздействия на общество, и этот инструмент в полной мере используется в идеологической борьбе для формирования негативного образа России в сознании западного обывателя. По сравнению с рассмотренной выше художественной литературой СМИ, особенно электронные, гораздо более оперативны и эффективны в «промыывании мозгов». Именно с их использованием связано возникновение такого явления, как *информационная война*.

Рассмотрим методы этой войны на одном примере, который уже отошел в историю, оценки которого в общественном сознании уже сформированы, и посмотрим, что же сопутствовало этому формированию смыслов.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 года грузинские войска начали массированный артиллерийский обстрел столицы Южной Осетии города Цхинвал и прилегающих районов с целью штурмового захвата. В последующие дни на первых полосах иностранных СМИ появились статьи со смелым заявлением о том, что «русский медведь» напал на маленькую Грузию. При этом русских провозгласили злобными агрессорами, а президент Михаил Саакашвили не постеснялся в своих речах использовать стереотипы и понятия «холодной войны». Так, в интервью для газеты «Вашингтон Пост» (Washington Post) он заявил: «Война России с Грузией является отголоском событий в Финляндии в 1939 году, Венгрии в 1956 и Чехословакии в 1968 году»⁶⁹.

⁶⁹ Война, которую ведет Россия, – это вызов Западу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrtudprom.ua/digest/saakashvili140808.html> (дата обращения: апрель 2013 г.).

В статье, опубликованной в газете «Вол Стрит Джорнал» (Wall Street Journal) от 11.08.2008 г., дается такая интерпретация произошедших событий: «Российское вторжение в Грузию представляет собой самый серьезный вызов такому политическому порядку со времен Слободана Милошевича <...> Происходящее сегодня в Грузии это не просто террористический спор. Это борьба, в которой решается вопрос о том, будет или нет проведена в Европе разделяющая линия между странами, свободно определяющими свою судьбу, и теми нациями, которые втянуты в самовластную орбиту кремлевского диктата»⁷⁰.

Яркую трактовку конфликта предлагает автор одной из статей журнала «Ньюсвик» (Newsweek) от 10.08.2008 г.: «Сегодняшняя Россия – это бандит, покрытый национализмом за семью одежами высокомерия своего лидера. Авантюра, на которую пошел в Грузии премьер-министр Владимир Путин, стала “шоком и трепетом”, что немудрено: на одного маленького соседа он набросился с танками, самолетами, кораблями»⁷¹.

Стоит отметить, что зарубежные журналисты и политические деятели искусно пользовались своей богатой фантазией и неиссякаемым багажом бранных слов в адрес нашей страны, занимаясь «ваянием» собственных интерпретаций и трактовок тех роковых августовских событий. По сути, их попытки были направлены на то, чтобы подорвать авторитет России на международной арене и выставить ее тираном в глазах мировой общественности.

В действительности же, Россия во всей этой ситуации выступала ни кем иным, как «жандармом», то есть осуществляла миротворческую функцию на территории Южной Осетии. Данный факт официально подтверждается Соглашением о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта, который был подписан 24 июня 1992 года в Дагомысе (Сочи) во время встречи Б.Н. Ельцина и Э. Шеварднадзе. А 14 июля 1992 г. является датой начала миротворческой операции в Южной Осетии⁷². Таким образом, на момент начала в зоне конфликта находился российский батальон миротворцев с легкой мотострелковой техникой.

Говоря о предпосылках вооруженного конфликта, стоит заострить внимание на политических амбициях президента Саакашвили, направленных на вступление в военно-политический блок НАТО и установление контроля над всей территорией страны силовым методом. Отметим, что последний визит Кондолизы Райс (госсекретарь США с 26.01.2006 по 20.01.2009) в Тбилиси 10 июля 2008 года послужил импульсом к началу агрессивных военных действий и подтвердил намерение Вашингтона активно участвовать в южноосетинском конфликте на стороне грузинского народа. При этом Райс в очередной раз обвинила Россию в том, что она

⁷⁰ Российская агрессия – это вызов мировому порядку [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inopressa.ru/article/02Dec2008/wsj/georgia.html> (дата обращения: апрель 2013 г.).

⁷¹ Группа сайтов РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/world> (дата обращения: апрель 2013 г.).

⁷² Югоосетинский конфликт (Грузино-югоосетинский конфликт) [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: апрель 2013 г.).

нагнетает напряженность в регионе, и пообещала помочь Грузии с вступлением в НАТО. Госсекретарь отметила, что разрешить проблему неподконтрольных территорий необходимо было до ухода президента Дж. Буша младшего⁷³. Таким образом, все это послужило обострению грузино-осетинских отношений и привело к настоящему взрыву в регионе.

Обратимся к цифровой статистике вооруженного конфликта. Рассмотрим и сравним боевой потенциал вооруженных сил Грузии, Южной Осетии и России перед наступлением и непосредственно во время боевых действий. Что касается Российской стороны, то на 08.08.2008 года на территории автономной республики располагался батальон из 500 русских миротворцев с легкой мотострелковой техникой, осуществлявший выполнение контрольно-полицейских задач. Численность южноосетинских вооруженных сил составляла 3 тысячи человек и 15 тысяч резервистов. А на вооружении Осетии имелось 87 танков Т-72 и Т-55, 95 орудий и минометов, 23 реактивных системы залпового огня БМ-21 «Град», 180 бронемашин, 3 вертолета Ми-8⁷⁴.

Очевидным является тот факт, что обе стороны на порядок уступали грузинским войскам. Ведь на момент вооруженного нападения Грузия находилась в полной боевой готовности: высокий уровень оснащенности военной техникой, мобилизован личный состав армии. По оценкам экспертов, численность грузинских вооруженных сил составляла 29 тысяч человек, плюс 10 тысяч резервистов, также дополнительно были мобилизованы 5 бригад МВД и отряд специального назначения. На вооружении Грузии имелось 165 танков, 40 реактивных систем залпового огня БМ-21 «Град», 10 штурмовых вертолетов СУ-25, 40 ударных вертолетов⁷⁵. Помимо этого значительная военная помощь была оказана Грузии из-за рубежа. В течение 5 дней войны она получала помощь от 15 стран-союзников: Болгария, Венгрия, Греция, Латвия, Литва, Турция, Франция, Чехия, Эстония, Босния, Сербия, Украина, США, Израиль, Герцеговина. В частности, большинство грузинских офицеров и лиц рядового состава прошли подготовку в США и Турции либо обучались иностранными инструкторами.

Также на безвозмездной основе Грузия получала вооружение и военную технику из США, Турции, Украины и ряда других государств. В целом, боевой потенциал Грузии пополнился военной техникой в количестве:

- от блока НАТО: 300 единиц бронетанковой техники; 67 орудий полевой артиллерии; 99 минометов; 150 противотанковых ружей; 200 комплексов ПЗРК;
- от Соединенных Штатов: 15 вертолетов Black Hawk; 2 боевых корабля; 6 катеров.

⁷³ Нежелательное вмешательство [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». URL: <http://vz.ru/politics/2008/7/10/185594.html> (дата обращения: 12 апреля 2013 г.).

⁷⁴ Расстановка сил. Сравнение боевого потенциала вооруженных сил Грузии, Южной Осетии и России в зоне конфликта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aviaport.ru/digest/2008/08/11/154904.html> (дата обращения: 12 апреля 2013 г.).

⁷⁵ Там же.

– от Франции: 4 истребителя «Мираж»; 4 штурмовых вертолета СУ-25.

– от Украины: 10 самолетов Л-29; 4 вертолета; 10 ЗРК⁷⁶.

Таким образом, шансы южноосетинской армии отразить нападение со стороны Грузии были минимальными. Поэтому российское военнополитическое руководство приняло решение о направлении в зону конфликта дополнительных миротворческих сил и добровольческих формирований в рамках операции по принуждению грузинской стороны к миру. В итоге произошло полномасштабное втягивание российской армии в вооруженный конфликт, что вызвало серьезное обострение международной обстановки и выход ситуации из-под контроля.

Такие действия внесли коррективы в сценарий «карательной экспедиции», осуществляемой Грузией на территории непризнанной республики. Данная операция проходила под довольно циничным кодовым названием «Чистое поле»⁷⁷. Ее основной целью являлось проведение молниеносной войны («блицкриг»), а после капитуляции Южной Осетии президент Саакашвили планировал поставить мировую общественность перед фактом. При этом он действовал уверенно, надеясь и полагаясь на поддержку со стороны своих западных и европейских друзей в лице военнополитического блока НАТО и США. Но Саакашвили просчитался, проигнорировав предупреждения российских властей о том, что «любая попытка военного решения конфликта будет самоубийственной для Грузии»⁷⁸.

Грузинское руководство позаботилось и о том, чтобы придать военным преступлениям видимость легитимного процесса. В 2006 году стартовал план по демократическому захвату Цхинвала. Во главе оппозиции был поставлен бывший полевой командир и министр обороны Южной Осетии, ее «альтернативный президент» Дмитрий Санакоев. На территории Грузии стартовала кампания по подкупу граждан Южной Осетии: им были предложены материальные блага в обмен на то, чтобы они поддерживали новую власть. После неудавшейся попытки мирного решения вопроса Грузия усиленными темпами начала вооружаться, приобретая наступательное вооружение. В итоге, она стала мировым рекордсменом по наращиванию военного бюджета, который за последние годы вырос в тридцать раз. Одновременно с этим грузинское руководство занималось налаживанием тесных связей с США. То есть подготовка к вооруженному нападению на Южную Осетию началась еще задолго до рокового августа 2008 года.

Интересные факты в дополнение к вышесказанному были озвучены Виталием Чуркиным (Постоянный представитель Российской Федерации в ООН и в Совете Безопасности ООН, Чрезвычайный и Полномочный По-

⁷⁶ Агрессора – к ответу! [Электронный ресурс] // Российская Федерация сегодня. URL: http://archive.russia-today.ru/2008/no_16/16_agression.htm (дата обращения: 14 апреля 2013 г.).

⁷⁷ Чистое поле [Электронный ресурс]. URL: <http://luciffer.wordpress.com/> (дата обращения: 12 апреля 2013 г.).

⁷⁸ Виталий Чуркин: Речь на Совете Безопасности ООН 10 августа 2008 г. [Электронный ресурс] // Русский обозреватель. URL: <http://www.rus-obr.ru/opinions/450> (дата обращения: 14 апреля 2013 г.).

сол). Начиная с 8 августа 2008 года, в Нью-Йорке прошла серия заседаний Совета Безопасности ООН, созванных по инициативе российской делегации с целью разобраться в конфликте. На четвертом заседании в ответ на утверждение постпреда Грузии о том, что Россия якобы руководит всем в Южной Осетии, русский дипломат заявил: «По моим данным, на 7 августа в Грузии только советников Министерства обороны США, работает 127 человек, т.е. буквально в тот день, когда были развязаны Грузией военные действия против Южной Осетии, закончились довольно масштабные совместные американо-грузинские учения, в которых участвовала примерно тысяча американских военнослужащих. С характерным названием – “Immediately response” – “Немедленное реагирование”»⁷⁹.

Остановимся на некоторых нюансах военного конфликта. Как известно, агрессия началась в ночь на 8 августа в 23.45 по московскому времени. Российские военные, связавшись с Министерством обороны Грузии, получили в ответ заявление о начале войны, так называемом «восстановлении конституционного порядка в Южной Осетии» (по словам командующего миротворческими операциями Объединенного Штаба ВС Грузии М. Курашвили). Одновременно с этим грузинская сторона начала наносить удары по российским миротворцам из всевозможных орудий: танки, авиация, тяжелая артиллерия. Только за первые сутки погибло 12 российских миротворцев и 2 тысячи мирных осетин. Тогда же Россия направила в зону конфликта для усиления миротворческих сил подразделения 58-й армии Северо-Кавказского военного округа. В целом, пятидневная война унесла жизни 71 миротворца и 1 692 мирных жителя (большинство из них – граждане Российской Федерации)⁸⁰.

Однако мировую общественность на тот момент больше волновал сам факт вмешательства России в грузино-южноосетинский конфликт, а не убийство миротворцев и мирных жителей Цхинвала.

Отметим, что западные «хозяева» Саакашвили были крайне не довольны этим вмешательством, хотя и сумели извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Ведь в то же самое время в Соединенных Штатах шла предвыборная борьба между двумя кандидатами на пост президента: Джоном Маккейном (радикальный милитарист и русофоб) и Бараком Обамой (демократ). Маккейн в своих выступлениях яро обвинял Россию-тирана и выказывал сострадание маленькой Грузии. Все это сыграло ему на руку, ведь буквально через неделю рейтинг Маккейна возрос и превысил показатель Б. Обамы.

Кроме того, одновременно с событиями в Цхинвале взгляд всего мира был прикован к ходу Олимпийских игр в Пекине, столице КНР (с 8 по 24 августа 2008 года). Поэтому тот факт, что Грузия решила развязать войну именно 8 августа, в день открытия Олимпиады, можно посчитать верхом антигуманности и авантюризма со стороны грузинского руководства.

⁷⁹ Виталий Чуркин... Указ. соч.

⁸⁰ Вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: апрель 2013 г.).

Подводя итоги обзора различных фактов, мотивов, причин, предпосылок Южноосетинской войны, сравнения боевого потенциала вооруженных сил стран – участников конфликта, анализа реакции западных СМИ и политиков, их интерпретации августовских событий 2008 года, можно сделать ряд выводов и умозаключений. Очевидно, что штурм Цхинвала – это заранее спланированное жестокое мероприятие, подготовленное и осуществленное грузинским руководством при поддержке НАТО и США, где каждая сторона преследовала свои цели: Грузия – ликвидацию национальной автономии, западные власти – подрыв авторитета России на мировой арене и решение политико-экономических вопросов.

Тогда какое же определение можно подобрать для описания авантюристических действий Грузии? Можем ли мы для данного события использовать такие термины, как «агрессия», «геноцид», «этническая чистка» или «восстановление конституционного порядка»? Конечно, ни о какой борьбе за территориальную и конституционную справедливость не может идти речи. Ведь истории уже известны подобные грузинские карательные экспедиции в Южную Осетию, ставшие трагедиями для осетинского народа и унесшие тысячи жизней: 1918 год – первый геноцид, 1990-1992 года – второй геноцид, 2004 – обострение грузино-осетинских отношений. Можем ли мы считать боевые действия Грузии, развернувшиеся в августе 2008 года, третьей волной геноцида Осетии?

Рассмотрим мнения по этому поводу среди политиков и руководства. 9 августа Владимир Путин (на тот момент Премьер-министр, глава Правительства РФ) дал следующий комментарий событиям в Цхинвале: «Действия грузинских властей – это, конечно, преступление, и прежде всего это преступление против своего собственного народа. Развязанная агрессия привела к многочисленным жертвам среди мирного населения и, по сути, вызвала настоящую гуманитарную катастрофу. И это, конечно, уже преступление против осетинского народа. Это геноцид»⁸¹. Президент Российской Федерации (с 2008 по 2012 год) Дмитрий Медведев: «Сейчас в Южной Осетии гибнут мирные люди – женщины, дети... И большинство из них это граждане Российской Федерации. В соответствии с конституцией и гражданским законодательством, как президент Российской Федерации, я обязан защищать жизнь и достоинство российских граждан, где бы они не находились»⁸².

Анатолий Чехоев, бывший заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками, заявил: «Есть такая поговорка: Кровь на Кавказе проливается быстро, остывает долго. Саакашвили в потоке крови утопил возможность какого-либо совместного проживания грузин и осетин»⁸³.

⁸¹ Агрессора – к ответу! Указ. соч.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

Владимир Лукин, уполномоченный по правам человека, высказал мнение о том, что «ответственных за массовые убийства в зоне конфликта необходимо привлечь к суду». По мнению министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, «преступления, содеянные режимом Тбилиси в Южной Осетии, заслуживают того, чтобы они были расследованы Международным трибуналом... Он (Саакашвили) убивает наших граждан, мирных жителей, отдавая приказы давить танком детей, сжигать в сарае загнанных туда девушек. И все это он делает не только на фоне европейских флагов, но и заявляет, что отстаивает американские ценности...»⁸⁴.

Объективно итог войны положителен, ведь по окончании боевых действий (с 14 по 16 августа) президентами Абхазии, Южной Осетии, Грузии и России был подписан план мирного урегулирования конфликта. «Агрессор наказан и понес очень значительные потери, его вооруженные силы дезорганизованы» (Д. Медведев). А 26 августа 2008 года Россия официально признала Южную Осетию в качестве независимого государства. Однако уроки, которые следует извлечь из этой истории, касаются не только военно-политических вопросов. Главный урок заключается в том, что в современном мире очень часто не реальность определяет человеческие представления, а сформированные и внедренные в массовое сознание представления как раз и составляют ту реальность, в которой живет человек.

Так, очевидно, что слова «агрессия» и «геноцид» очень точно описывали действия и поведение Грузии. При этом на фоне всего происходящего западным политикам и СМИ удалось выставить Россию беспощадным тираном, агрессором, бандитом и террористом и негативно настроить многие страны в отношении нашей политики. Вся русская общественность находилась в состоянии негодования и шока, ведь западные интерпретации августовских событий в Южной Осетии шли в противовес реалиям, противоречили здравому смыслу. Здесь уместным будет высказывание о том, что «те, кто творит историю, часто заодно и фальсифицируют ее» (Веслав Брудзиньский).

Любой исторический факт есть не только и даже не столько просто информация, он есть, прежде всего, вполне определенная интерпретация. Даже сухая подача «только информации» под грифом «без комментариев» всегда заряжена идеологически, поскольку вся подаваемая информация очевидно предварительно отобрана и подобрана, во-первых, а во-вторых, она столь же очевидно оплачена. Как показывает практика информационных войн, вложение денег в формирование при помощи средств массовой информации нужного имиджа какого-то политика, общественного движения, социального явления, целого народа или государства дает очень большую отдачу. Информация и информационные технологии в современном мире приобретают значение оружия массового поражения, которое может быть использовано как для нападения, так и для защиты.

⁸⁴ Агрессора – к ответу! Указ. соч.

Заключение

Представленный в монографии анализ проблем, связанных с формированием образа России в массовом сознании современного общества, показывает, что роль идеологического фактора в социальных и политических процессах нисколько не уменьшилась и более того имеет тенденцию к нарастанию. Обманный лозунг «деидеологизации», выдвигаемый западными либералами и транслируемый так называемой пятой колонной в России только прикрывает мощные атаки, направленные на разрушение идейно-ценностных основ нашего общества. В этих условиях предельно важным является утверждение в массовом сознании наших сограждан того образа России, который определяется любовью к своей Родине. Эта любовь не означает приукрашивания и идеализации нашей истории и современной российской действительности, она выражается в переживании судьбы России как основы собственной личной судьбы.

В монографии сделана попытка раскрыть определяющие черты той «русской идеологии», которая послужила основой для созидания уникальной цивилизации, объединившей десятки народов общей исторической судьбой. Воспроизведение и развитие этой ценностной системы на каждом новом историческом этапе является необходимым условием реализации Россией своего исторического призвания и в целом – самого ее бытия. Идеология единой многоэтнической российской нации, интегрированной принадлежностью к общей великой Родине и патриотическим служением ей должна быть противопоставлена западной идеологии потребления и ложно понятого либерализма. Это является одним из важнейших вопросов национальной безопасности, поскольку эта западная идеология, несмотря на гуманистическую внешность, имеет враждебную по отношению к России направленность и склонна к агрессивной экспансии. Все это ставит вполне определенные задачи и перед ученым сообществом, и перед системой образования, и в области государственной информационной политики.

Рекомендуемая литература

1. Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета: науч. журнал. 2010. № 31(212): Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 45-47.
2. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире: курс лекций. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. 296 с.
3. Бердяев Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1994. 413 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 494 с.
5. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / предисл. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1968. 525 с.
6. Коллингвуд Р.Д. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 485 с.
7. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 186-224.
8. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.
9. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.
10. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; предисл. А.В. Гулыги. М.: Айрис-пресс, 2002. 512 с.
11. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 822 с.
12. Франк С.Л. Духовные основы общества: сборник. М.: Республика, 1992. 510 с.
13. Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии (Специфика образов «пограничных» цивилизаций) // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 133-144.

Научное издание

Анисин Андрей Леонидович,
Блажевич Николай Викторович,
Фирсов Иван Федорович и др.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
КАК ПРЕДМЕТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ**

Монография

Редактирование: *Е.В. Шабанова*
Техническое редактирование: *Е.К. Булатова*
Тиражирование: *Г.А. Щукина*

Подписано в печать 02.11.2015. Формат 60х84/16
Усл. п. л. 5,2. Уч.-изд. л. 6,0
Тираж 100 экз. Заказ № 140

Редакционно-издательское отделение
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

ISBN 978-5-93160-229-5

9 785931 602295